

СИБИРИАДА

АЛЕКСЕЙ
ВОРОНКОВ

ХАРБИН

Сибиряда

Алексей Воронков

Харбин

«ВЕЧЕ»

2011

Воронков А. А.

Харбин / А. А. Воронков — «ВЕЧЕ», 2011 — (Сибириада)

ISBN 978-5-9533-5608-4

1929 год. Едва оправившееся от жестокой Гражданской войны Советское государство всеми силами восстанавливает разрушенное хозяйство. Но по окраинам еще очень неспокойно. Александр Болохов, молодой чекист, направлен с секретным заданием в Харбин, где сосредоточилось большое количество русских беженцев и активистов Белого движения. Болохову поручено внедриться в ряды «антисоветских элементов», чтобы не допустить их дальнейшего сплочения и сорвать планы сотрудничества с японскими и китайскими властями, готовящими оккупацию российских земель на Дальнем Востоке.

ISBN 978-5-9533-5608-4

© Воронков А. А., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Часть первая	6
Человек из Сорбонны. (Вместо предисловия)	6
1	6
2	10
Глава первая. Болохов	16
1	16
2	23
Глава вторая. Секретная миссия	28
1	28
2	32
Глава третья. Гридасовы	42
1	42
2	47
Глава четвертая. Благовещенск	54
1	54
2	56
Глава пятая. Художники	60
1	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алексей Воронков

Харбин

©Воронков А.А., 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Николя Лисенко, моему парижскому другу и бывшему
«харбинцу»*

*Высокое унизится,
А униженное возвысится.*

Пророк Иеремия

*Как чума, тревога бродит,
Гул лихих годин...
Рок черту свою проводит
Близ тебя, Харбин...*

Арсений Несмелов

Часть первая

Человек из Сорбонны. (Вместо предисловия)

1

Мишель впервые появился в нашем городе где-то в начале девяностых ушедшего от нас века, когда погрязшая в бесконечных политических распрях Россия судорожно пыталась выкарабкаться из постперестроечной разрухи.

Мы познакомились с ним на одном из мероприятий с участием общественных организаций города, где я представлял одно из местных печатных изданий и где, как обычно, шел горячий спор между непримиримыми политическими противниками относительно будущего страны. Кто-то из знакомых журналистов тогда сказал мне, что в зале присутствует настоящий француз, который прибыл в Благовещенск по каким-то своим делам и теперь проявляет интерес ко всему, начиная от экономических возможностей города и кончая политическими симпатиями его граждан. Мне захотелось посмотреть на него – ведь это, насколько я знал, был первый потомок древних галлов, оказавшийся после Октября семнадцатого в наших краях. До этого никто из его соплеменников, за исключением жены основателя города графа Муравьева, Катрин, не бывал на амурских берегах.

Впрочем, французы в этом смысле были не исключением. До последнего времени сюда не казали нос ни немцы, ни англичане, ни испанцы, ни тем более американцы, потому как места это пограничные, а сам Благовещенск многие годы был закрытым городом, куда не то что чужие, – свои, у которых не было специальной отметки в паспорте, не могли приехать без разрешительной процедуры. Вот в такой секретности и жили, пока не началась горбачевская перестройка, внесшая некоторые послабления в жизнь пограничных территорий. Первого европейца (о китайцах речь не идет – те с приходом в Кремль Горби, пользуясь близким соседством, тут же заполнили наши улицы) я встретил в городе еще в конце восьмидесятых. Им был восточный немец Йохим Янке, который приехал по приглашению друзей вместе с женой Мартой и шестнадцатилетней дочкой Анитой. Потом был какой-то испанец, был ученый из Норвегии, корреспондент американского географического журнала, посетивший знаменитый Муравьевский заповедник редких птиц... Был кто-то из Израиля, даже один датчанин на мотоцикле, а вот Мишель оказался первым французом.

Сейчас мне уже трудно вспомнить, каким образом я «подкатил» к нему. Однако помню, что после перерыва я возвращался в зал бывшего Дома политпросвещения, отданного в начале реформ Амурской областной филармонии, вместе с ним. Я уже многое знал о нем. В первую очередь то, что никакой он не француз, а русский и что у него только паспорт гражданина Французской Республики. А на Амур мсье Мишель Болохофф приехал с очень благородной миссией – что-то сделать для России. Да-да, так он мне и заявил: хочу, мол, что-то сделать для России.

Тогда многие добросердечные иностранцы, глядя на наше разорение, хотели что-то для нас сделать. Кто-то слал адресные посылочки с «гуманитарной помощью», которые безбожно разворовывались кем-то по пути, а кто-то даже давал кредиты на поддержание социальной сферы и развитие экономики, которые также бессовестным образом присваивали себе какие-то неизвестные люди, вероятно, те, что позже стали первыми российскими богачами.

Что касается Мишеля, то он собирался сделать нечто оригинальное – организовать институт по подготовке, как он выразился, специалистов мирового стандарта. Почему именно этот

проект – об этом он мне позже подробно расскажет, при этом будет говорить взхлеб, так, как это делают сумасшедшие в своем порыве романтики.

Мишель принадлежал к той категории людей, которых новейшая история назвала харбинцами. Эти люди когда-то не приняли большевистскую революцию и были вынуждены бежать на чужбину. Сведения об этих изгоях в советские времена были для нас всегда отрывочными и неполными. И это понятно: господствовавшая несколько десятилетий в стране идеология пыталась выхолостить историю, оставив в ней только то, что было ей выгодно. Поэтому, чтобы мы не узнали чего-то большего, нам были запрещены всяческие контакты с представителями российской эмиграции, оттого в наших издательствах не печаталась художественная и иная литература, созданная русским зарубежьем, потому как там присутствовало свое видение истории. Лишь в последние годы к нам потихоньку стала возвращаться правда. Вот и Мишель Болохофф, потомок первой русской эмиграции, был частью этой правды, явившейся таким свежим ветром, который уже потихоньку наполнял собой паруса новой истории.

Что касается меня, то я с детства был приучен с уважением относиться к прошлому, потому что это прошлое постоянно окружало меня. Ведь я вырос в городе, из которого за два с половиной десятилетия до моего рождения происходил исход за границу тех, кто не принял большевистскую власть. Однако не всем из них тогда удалось бежать – многие так и остались в Благовещенске на всю жизнь, привнеся на его улицы особый дух старой России. Оттого и город наш, будучи при этом закрытой пограничной зоной, слыл таким заповедником культуры и интеллигентности, поражая приезжающих своей особой духовной атмосферой.

Кого тут только не было! Здесь можно было встретить и бывшего депутата Государственной думы, и белого генерала, сумевшего выжить в пору сталинских репрессий, и царских чиновников, академиков, придворных врачей, некогда известных деятелей искусства, а еще оставшихся у разбитого корыта прежних владельцев огромных состояний, короче всех, кто составлял элиту империи. За эти годы, казалось, они привыкли ко всему и вели скромный образ жизни. Во всяком случае, они старались ничем не отличаться от остальных. Но как спрятать то, что спрятать невозможно? Я имею в виду привычки этих людей, их образованность, начитанность, тягу к прекрасному, наконец, те же изящные манеры, которые остались у них навсегда. Вон, видишь? – порой говорил мне мой отец, указывая на неторопливо вышагивавшего по набережной старичка с тростью. Это-де бывший известный ученый. Или: вон та пожилая женщина в черном платье когда-то пела на парижской сцене... Мне было все это интересно, и теперь я с нескрываемой ностальгией вспоминаю те времена, зная, что они уже никогда – никогда! – не повторятся.

...После заседания я пригласил Мишеля вместе с его секретаршей Ирэн в кафе на чашку кофе. Однако вместо кофе мой новый знакомый предпочел коньяк, и вот мы, спрятавшись от лютых крещенских морозов в этом уютном погребке, расположенном в одном из старинных зданий на амурской набережной, попиваем какой-то третьесортный коньячок (другого в ту пору было трудно отыскать) и о чем-то непринужденно разговариваем.

Я с удовольствием слушаю правильную русскую речь Мишеля. У него легкий иностранный акцент. Он по-французски элегантен даже в своем простеньком сером свитере и чуть помятых джинсах. Он худощав и по-юношески подвижен в свои пятьдесят два, а подернутая сединой копна курчавых волос несколько не добавляла ему лета. Напротив, она придала его внешности эдакий шарм неунывающего любителя жизни. И это после всего, что ему довелось испытать! Видно, решил я, все это заслуга благополучного Парижа, который способен зажечь в человеке искру надежды. Впрочем, глядя на Мишеля, я понял, что и Парижу не удастся до конца выполнить пластическую операцию души, ибо внутренний надрыв все равно остается...

– Подавляющее большинство харбинцев, – неторопливо повествовал Мишель, удовлетворяя мое любопытство, – жили в городе своей колонией... Русские школы, русские церкви,

русские магазины, взаимодействие тоже было на русском. Китайский мало кто знал, но мой случай особый. Я дружил с китайскими мальчишками и от них нахватался чужих слов.

Мишель видел, что я с большим интересом слушаю его, поэтому говорил обстоятельно, выстраивая некую сюжетную пирамиду, где каждый ее кирпичик – хронологическая часть его судьбы. Понимая, что подобный случай, когда бы он так полно рассказывал о себе, вряд ли ему скоро представится, Мишель вежливо просит свою помощницу, если у нее есть на то желание, тоже послушать его рассказ – дескать, для того, чтобы она имела о нем большее представление. Эта молодая особа, как потом выяснилось, была немкой, родителей которой вместе с другими поволжскими немцами выселили во время войны куда-то на Иртыш, поэтому для нее патрон был пока что белым пятном на карте ее судьбы.

Я прошу Мишеля рассказать о том, как его семья оказалась в Китае. Ведь до этого об исходе русских за границу я читал только в книжках, а тут живой харбинец, который о жизни эмигрантов знал не понаслышке. Мой собеседник кивает головой.

– Здесь, – говорит он, – присутствует некая дискретная сторона, связанная с жизнью моих родителей. Как сказала моя мама, пока она жива, – лучше об этом не говорить. – Он вздыхает, видимо, понимая, что поступает вопреки ее желанию. – Ясно, что в Китай мы, то есть мои родители, как и большинство харбинцев, попали не по своей воле. Была революция, Гражданская война... Была борьба. В итоге получилось, что многие офицеры белой армии, казаки, люди иных сословий – торговцы, чиновники, писатели, художники – оказались на той стороне...

В этом месте Мишель невольно указал взглядом туда, где, по сути, в нескольких шагах от нас, под хрустальным ледовым панцирем, тяжело ворочаясь в берегах, пробивал себе путь на восток могучий Амур. Я всем своим видом показывал, что этот исторический факт мне давно известен. На губах моего собеседника появилась хорошая улыбка, которая характерна для интеллигентных воспитанных людей.

– Знаю, знаю, для вас это не ново, – говорит он. – Еще бы! Ведь именно здесь, в этом городе, и происходил исход русских. Однако известно ли вам, что после революции эмигрантами стали не только те, кто бежал из России? Многие русские в те времена проживали в районе КВЖД – вот все они и составили в начале двадцатых годов русскую колонию. – Он сделал паузу, наполняя рюмки новой порцией коньяка. – Чин-чин! – произносит негромко и делает небольшой глоток. Мы с Ирэн последовали его примеру. – Ну а что касается меня, – лизнув для порядка ломтик лимона, продолжил он, – то я принадлежу к тому поколению, которое было поставлено перед фактом: мы родились там, и родина для нас тоже была там. Это для наших родителей то была чужбина.

Тут он начал рассказывать о своих родственниках, и я почувствовал, как его душа наполнялась теплом.

– Моя мама, Елизавета Владимировна Болохова, – повествовал Мишель, – была потомственной, или, как раньше говорили, столбовой дворянкой. У ее отца, Владимира Ивановича Гридасова, было большое имение под Москвой. Но самое интересное не это... Дед всегда гордился тем, что в молодости дружил с самим Столыпиным – слышали о таком? – обратился он ко мне. Получив положительный ответ в виде моей саркастической ухмылки, – мол, за кого вы меня принимаете? – он сказал: – Между прочим, это супруга Петра Аркадьевича Ольга Борисовна познакомила деда с его будущей женой, то есть моей бабушкой... Мария Павловна была на двадцать с лишним лет младше своего жениха, который успел прослыть закоренелым холостяком. А тут на тебе, по уши влюбился в молодую воспитанницу Бестужевских курсов. В конце прошлого века пути приятелей разошлись. Мой дед отправился на строительство Китайской Восточной железной дороги, а Столыпин сделал головокружительную карьеру в Петербурге... Кстати, некий дальний родственник эсера Багрова, того, что убил Петра Аркадьевича, многие годы работал под началом моего деда. Говорят, крепко ругал убийцу, а вме-

сте с ним и всех эсеров, которые, по его словам, и привели вместе с большевиками Россию к революции.

Видимо, Мишелю льстило, что его дед был знаком с известным русским реформатором, поэтому он еще долго пересказывал то, что в свое время слышал от покойного Владимира Ивановича. При этом акцент он делал на их подвижнической деятельности, подчеркивая то, что это были поистине героические люди, отдавшие свою жизнь служению отечеству и незаслуженно забытые потомками. Я был согласен с ним, поэтому сказал, что теперь все изменится и Россия вспомнит о них, и не только вспомнит, но и использует их опыт в строительстве нового государства.

– Кстати, знаете, где я родился? – отпив из рюмки коньяка, неожиданно произнес Мишель. К тому времени мы еще не перешли на «ты», потому постоянно «выкали» друг другу.

– Вероятно, в Харбине?.. – предположил я.

Мишель широко улыбнулся, обнажая два ряда крупных, еще достаточно крепких зубов.

– А вот и не угадали! – по-мальчишески задорно воскликнул он. – Я родился, можно сказать, в двух шагах отсюда... На той стороне Амура.

– Как? – удивленно посмотрел я на него.

– Да-да... Тогда это еще был небольшой городок Сахалин. Старое маньчжурское название нынешнего Хэйхе, – уточнил гость. – Там же пошел в школу, при этом в русскую. Была там такая неполная средняя русская школа. Ее директором был бывший белогвардейский подпоручик Павел Николаевич Глубоков, – сказал он и сердечно добавил: – Человек, отдавший всю свою жизнь образованию и воспитанию русских детей.

На Мишеля тут же вдруг нахлынули хорошие и не столь хорошие детские воспоминания.

– Павел Николаевич страшно тосковал по России. Каждый день он выстраивал нас, своих учеников, на берегу Амура, и мы отдавали честь своей Отчизне – так он называл Россию. Я был маленьким, но уже кое-что понимал и потому смотрел на эту сторону замороженными глазами. «Ну почему, почему я родился не в своей стране? – думал я. – Почему мне приходится жить среди людей чужой национальности и выносить от них оскорбления?..» Последнее мучило меня больше всего. Взрослым еще куда ни шло – их жизнь уже не раз была, – а вот каково было нам, молодым, терпеть унижения?

Тем не менее, – продолжал Мишель, – все мы: и старики и молодежь, – чувствовали себя там чужими. Особенно тяжело нам стало жить после того, как к власти в Китае пришли коммунисты. Если раньше нас могли просто обозвать, допустим, тем же обидным для нас словом «лаомаудзе», что означает «волосатый» или «волосатая обезьяна», то с приходом коммунистов нам стали недвусмысленно намекать, чтобы мы убিরались вон. А куда нам идти, если нас никто нигде не ждал? Ну разве это не трагедия?.. – Трагическая складка между бровей говорила о том, что Мишель до сих пор тяжело переживает все, что с ним когда-то произошло.

...Уже в первые минуты нашего знакомства я понял, что Мишелю очень трудно говорить о своем прошлом. Но как это порой бывает в подобных случаях, что-то упорно заставляло его выговориться до конца. Видно, такое редко с ним случалось, потому он и спешил сбросить с души этот тяжелый груз, который не давал ему свободно дышать.

Детство свое Мишель провел на границе с Советской Россией, где его отец Александр Петрович служил в пограничной сторожевой охране, полностью скомплектованной из бежавших после Гражданской в Китай белоказаков. Что заставило старшего Болохова перебраться в Сахалин, о том Мишель умолчал, поскольку это была их семейная тайна, которую он никому не хотел открывать. И только позже, когда мы станем добрыми друзьями, он в порыве откровения поведаст мне многое из того, о чем он никому никогда не говорил. А тогда сказал только, что отец не нашел в Харбине приличной работы, поэтому согласился за сто таянов коротать свою жизнь вдали от цивилизации. Где не было больших городов, где вместо широких проспектов и современных зданий были узенькие улочки с прилепившимися друг к другу допо-

топными фанзами, дышавшими чесночным угаром, в которых жила забитая и неграмотная китайская беднота.

Мишель рано научился читать по-русски. В их школе была небольшая библиотечка, где он брал книги для чтения. Авторами их были русские классики – Пушкин, Лермонтов, Карамзин, Гоголь, Аксаков, Тургенев, Лев Толстой, Блок... Это они воспитали в нем любовь к исторической родине, они наполнили его душу светом и теплом, ни на минуту не давая ему забыть, что он русский. Это потом он увлекся Шекспиром, Гейне, Гёте, Рильке, Ларошфуко... Прочитал «Метаморфозы» Овидия, «Разговоры с Гёте» Эккермана и «Происхождение трагедии» Ницше, но только для того, чтобы поднять свой культурный уровень, без чего его бы не приняли в хорошее общество.

Школьную обстановку он помнил до мельчайших подробностей. К примеру, он помнил старый школьный клавесин, который после Гражданской войны привез с собой какой-то русский эмигрант. Мишель любил порой побренчать на нем, и это было его первое, как он выразился, соприкосновение с музыкой. С тех пор без музыки он никуда. Впрочем, вся его семья музицирует, а у него самого хороший голос, и он мне позже, когда мы в сумерках вышли на амурскую набережную, продемонстрировал его.

По словам Мишеля, жизнь русской колонии в Сахалине группировалась в основном вокруг их школы. Многие из эмигрантов жили в страшной нужде. Испытывала нужду и семья Болоховых. Мишель помнил, что когда он в восьмилетнем возрасте пошел в школу, то ему нечего было надеть и обуть. Поэтому матери, к тому времени оставшейся без мужа, приходилось ходить по домам, выполняя тяжелую работу. Она белила жилища, мыла полы, окна, подметала улицы – только бы заработать на жизнь. И это бывшая-то рафинированная дамочка с блестящим образованием и дворянским происхождением!

Короче, первый раз Мишель пришел в школу в носках, и детвора здорово тогда над ним поиздевалась. И только директор школы бывший подпоручик Павел Николаевич Глубоков смог уговорить детей, объяснив им, что жизнь – штука полосатая, потому завтра каждый может оказаться в таком же положении.

Наверное, в таких невыносимых условиях и появляется эта бешеная тяга к знаниям, сопряженная с желанием поскорее выйти в люди. Поэтому уже через год Мишеля, как успешно освоившего первоначальный курс обучения, перевели сразу в пятый класс. Однако в начале пятидесятых русские стали массово покидать Сахалин, и в их школе, по сути, некому стало учиться. Пришлось записаться в китайскую.

Что касается Болоховых, то они уезжать не торопились. Мать решила, что дети должны были прежде окончить школу и по примеру ее старшего сына Николая – тот уехал на учебу в город Дальний – поступить в университет. В Сахалине к тому времени оставалось не больше сорока-пятидесяти таких семей, но семьи эти в основном были смешанными. Впрочем, здесь всегда преобладали семьи со смешанным браком. Чисто русские семьи составляли большие колонии только в Харбине и Дальнем. Ну разве что еще в Шанхае.

2

Мишель помнил, что когда он жил в Сахалине, то там, за Амуром, еще существовали казачьи поселения, где люди в основном занимались фермерством, – но то был уже их закат. Китай после победы революции стал создавать по примеру Советского Союза коллективные крестьянские хозяйства, которые постепенно вытесняли русских фермеров. Тем ничего не оставалось, как перебираться в другие страны. Первыми уехали те, у кого было куда ехать, а главное, были деньги, а у кого их не было или кто не хотел уезжать далеко от России, – те держались. Но в пятидесятые отношение к русским в Китае резко изменилось. Притом не в лучшую сторону. Как полагает Мишель, это было связано с секретными договорами между

правительствами Советского Союза и Поднебесной, в результате чего и была решена участь белоэмигрантов. Русские стали массово покидать Китай. При этом мало кто знает, что в те времена был в ходу этакий обмен, когда китайцев, что жили в Советском Союзе, отправляли на свою историческую родину, а русских – на свою. Так, без всякого на то их согласия – только волевым решением властей.

– А Харбин?.. Как вы оказались в Харбине? Вы же, кажется, в начале нашего знакомства называли себя именно харбинцем... – аккуратно, так, чтобы мой собеседник не потерял нить повествования, обратился я к нему.

– В Харбин как попал? – переспросил Мишель, делая мне знак наполнить рюмки. – После того как мы остались без отца, мать решила, что лучше будет, если мы уедем в большой город, где бы она могла найти приличную работу. А время было смутное. Революционный порядок коммунисты еще не успели навести, поэтому жизнь человеческая ничего не стоила. В пути могли и арестовать нас, и ограбить, и даже убить.

Он на минуту умолк – будто бы копался в памяти. Я чувствовал, как это тяжело ему давалось. Другое дело, если бы он каждый день занимался воспоминаниями. Тогда бы у него, быть может, выработалась бы привычка не чувствовать боль, а тут он был лишен этого противоядия.

По его словам, мать тогда не узнала Харбин, где прошли ее детство и юность. С улиц почти исчезли европейские лица, их заполнили раскосые глаза военных в обмотках, а еще многочисленные толпы людей в лохмотьях, которые в массе своей были крестьянами, бежавшими от голода и готовыми за чашку риса работать по двадцать четыре часа в сутки. Болоховым пришлось влиться в ряды этих нищих. Так втроем: мать, Мишель и его младший брат Иван, – они и бродили по Харбину, прося милостыню, которую им даже некому было подать. Пришлось перебиваться случайными заработками. Мать мыла посуду в китайских забегаловках, чистила овощи, стирала чужое белье; пацаны же, когда удавалось, зашибали копейку в речном порту, помогая купцам перевозить через Сунгари на «юли-юли» товар, или находили работу на овощном рынке.

Это был, по сути, закат русской колонии. Все рушилось, все менялось... Повсюду шло наступление на частную собственность. И если в конце сороковых людям еще разрешалось иметь собственное дело, то в начале пятидесятых предпринимателей стали потихоньку прижимать, а потом и вовсе запретили им всякую деятельность. Следом одна за другой стали закрываться церкви – паствы-то не стало. Наконец из-за массового отъезда русских прикрыли и русское консульство. Было понятно, что виной всему была жесткая позиция советского правительства, которое не только не поддерживало колонию, но и, как могло, способствовало ее уничтожению.

– А как с учебой? – спросил я Мишеля. Какая-де школа, коль нужно было зарабатывать на жизнь?

Тот улыбнулся.

– Нет, как же, учились! В Харбине мы с братом с утра посещали занятия в китайской гимназии, а после обеда шли в русскую школу. Спросите, когда мы работали?.. По вечерам. Часто ночью. Вот так, хочешь, как говорят русские, жить – умей вертеться. А мы хотели жить. Хотели стать людьми. Как наш старший брат, который, окончив институт и став шэньши, то есть ученым мужем, получил хорошую должность в Мукдене. Мы тоже хотели стать шэньши, а потом уехать куда-нибудь далеко-далеко. Помнится, когда мне было лет четырнадцать, я очень хотел уехать в Австралию. Не знаю, почему – наверное, книжек детских начитался об этой загадочной стране. А вот мама моя была человеком наивным во всех отношениях, – кто-то из эмигрантов ездил в Россию и, вернувшись, рассказывал о том, что там хорошо. Сегодня уже понятно, кто эти «рассказы очевидцев» готовил, но тогда... – Мишель усмехнулся. – Короче, часть эмиграции клюнула и решила ехать в Советский Союз. Ведь это была родина!..

Я слушал Мишеля, наслаждаясь его хорошей русской речью и все глубже и глубже погружаясь в его нерафинированную правду. Порой вот эта безыскусная сермяжная правда бывает ценнее и привлекательнее иного изысканного и талантливой романа.

– Мне было чуть больше четырнадцати, – перешел к новой главе своей биографии Мишель Болохофф, – когда моя мать привезла меня и моего младшего брата в Советский Союз. Старший брат отказался ехать, сославшись на то, что у него очень интересная работа. Хорошо помню, как мы пересекали границу... – В этом месте Мишель сделал небольшую паузу, будто бы собиравшись с духом. Видимо, то был не лучший момент в его жизни – иначе бы в глазах его не было столько боли. – Добравшись на поезде до станции Маньчжурская и пройдя необходимую таможенную и пограничную процедуру, мы оказались на советской территории. Там, на станции Забайкальской, к нам подошел какой-то русский мужичок и попросил у матери денег на выпивку. Выпил и говорит: «Что вы, дураки, наделали? Зачем приехали?.. Э-эх!...»

Я мало что еще в ту пору соображал, но это «э-эх!» произвело на меня впечатление, и я вдруг почувствовал, что мы попали в мышеловку, – за нами захлопнулась дверца и мы оказались в плену. И если на той стороне мы еще были благородными эмигрантами, которых китайцы, хотя и притесняли, тем не менее не лишали права оставаться людьми, то здесь нас ждало нечто страшное... Наша жизнь молниеносно изменилась.

А потом были «телятники» – это вагоны для перевозки скота, в которых бывших «харбинцев» полмесяца везли до Омска. Там их погрузили в военные грузовики и забросили в голую казахстанскую степь, где единственным на сто верст вокруг селением был казахский аул Курумбей.

– В память о той страшной жизни моя загородная ферма во Франции носит схожее название Куранбель, – заметил Мишель. – Это для того, чтобы я не забывал свое прошлое... «Кур» – это «двор», «бель» – «красивый». Получается «красивый двор».

Я покачал головой. Он воспринял мое удивление по-своему и как-то многозначительно посмотрел на меня. Дескать, именно так, «красивый двор», а вы как хотели?..

По словам Мишеля, в том Курумбее, как и в других близлежащих селах, люди даже не имели на руках паспортов. Они были подневольные и бесправные. Хлебнув сполна той скотской жизни, в одну из ночей семья Болоховых бежала из резервации. Куда идти, они не знали. Сориентировавшись по звездам, пошли на север. Кругом степь, дикое безмолвие, и лишь где-то вдалеке слышалась протяжная, как сама беда, унылая волчья переключка. Так и шли без воды, без еды несколько суток, пока не наткнулись на какое-то русское селенье, расположенное рядом с железной дорогой. К людям выходить побоялись – а вдруг те схватят их и вернут в резервацию, а еще хуже, посадят в тюрьму? Вырыли возле железнодорожного полотна землянку и стали в ней жить. Поначалу питались какими-то кореньями, а когда стало невозможно, все же вышли к людям. Слава Богу, никто даже не поинтересовался, кто они, откуда – видно, те люди сами горе мыкали, а оттого им не было дела до других горемык.

Там, в деревне, и жилье себе нашли. Время было послевоенное, селения русские поределели. Одних людей война выкосила, других болезни. Так что с десяток хат стояли с заколоченными окнами. Одну из них Болоховы и присмотрели себе.

Позже для Елизаветы Владимировны и работа нашлась – стала преподавать английский и литературу в местной школе, – туда же пошли учиться и сыновья.

Для Мишеля по-прежнему учеба оставалась главным в его жизни. Все, что он увидел здесь, настолько его потрясло, что ему, как никогда, захотелось поскорее встать на ноги и зажить другой жизнью. К пятнадцати с половиной годам, успешно освоив полный курс школьной программы, он сдал выпускные экзамены, при этом сдал их на «отлично».

После этого, не раздумывая, он уехал поступать в МГУ. Мать, зная о намерении сына, два года копила для него деньги. Однако, видно, зря: в университете, изучив биографию Мишеля, ему дали понять, что в свои неполные шестнадцать он для советского общества человек уже

совершенно потерянный, что ему с его эмигрантским прошлым нечего и соваться в такой престижный вуз, как МГУ.

Вот тут-то Мишель окончательно понял, что ничего хорошего в этой стране ему не светит и что он сделал большую ошибку, когда не стал отговаривать мать, которая решила вернуться на свою горячо любимую родину.

...И все же Мишелю удалось поступить в главный вуз страны. Наверное, там учли его незаурядные способности, когда он без чьей-либо помощи сдал все пять вступительных экзаменов на «отлично». Исполнилась его давняя мечта – он стал студентом отделения восточных языков МГУ.

– Это было конечно же чистой случайностью, – отметил он. – Особенно это стало ясно, когда я увидел, кто окружал меня в университете, – это были сплошь дети партийных работников, генералов, маршалов и министров... Помнится, на нашем курсе оказалось лишь восемь студентов из низшего сословия, которые попали в вуз только благодаря своим знаниям, а не высокопоставленным папашам.

На тот момент Мишель еще недостаточно хорошо понимал сущность коммунистических идей, и это мешало ему ориентироваться в жизни. Чтобы заполнить этот пробел, он стал заниматься самообразованием. Для этого, если верить его словам, он прочел пятьдесят пять томов сочинений Ленина и сорок семь Маркса и Энгельса. Ну а поскольку, по словам Ленина, марксизм нельзя познать без знания Плеханова, он ко всему прочему «махнул» еще и двадцать восемь томов первого русского марксиста. При этом, чем больше он читал этих просвещенных материалистов, тем все чаще вспоминал трудовой люд Сибири, куда их с матерью и братом однажды забросила судьба. Вспоминал доярок, которые окоченевшими руками доили на морозе коров, их худющих, вечно голодных детей, мужиков, которые были не в силах прокормить семью, опускали руки и спивались...

«Что и говорить, – рассуждал Мишель. – Нужно просто сравнить действительность с теорией, с ее радужными выводами и понять, что это совершенно разные вещи». Марксисты говорили одно, а на деле у них получалось другое. Ему хотелось плюнуть на все и уехать. Но куда уедешь, когда тебя нигде не ждут? Да и уехать-то невозможно, разве что сбежать. Пришлось после университета устроиться на работу в институт востоковедения, где ему предложили место редактора радиостанции «Мир и прогресс», вещавшей на китайском языке. Работа, можно сказать, не пыльная, однако он теперь думал лишь об одном – как вырваться за границу. Он был сыном эмигрантов, а такие, вкусив однажды свободы, будут потом бредить ею всю жизнь. Ему было тесно в этом замкнутом пространстве странных иллюзий, где практически не было места человеческой инициативе и самостоятельности, а следовательно, возможности заниматься поиском своего пути в науке. Где каждый человек должен был ощущать себя лишь послушным винтиком в организме этого бездушного авторитарного общества.

А Мишель мечтал о большой науке. Еще учась в МГУ, он начал разрабатывать неординарную систему преподавания китайского языка. Особенно его занимала проблема иероглифики (позже в Европе стали использовать термин, который придумал Мишель – синограмма). Он пытался создать такой метод, с помощью которого было бы нетрудно научить человека китайской письменности. Забегая вперед, нужно сказать, что исследователю (по словам Мишеля, на западе люди науки не любят называть себя учеными, а предпочитают термин «исследователь», ибо так звучит скромнее, но дела не меняет) удалось осуществить свою идею. Но это произошло уже в Сарбонне, знаменитом парижском университете, куда он в конце семидесятых попал на стажировку, да так и остался в его стенах, не пожелав вернуться домой. Там он получил звание профессора и стал известным на весь мир китаеведом. Свое решение остаться во Франции считал осмысленным, потому как был уверен, что, когда он освободится от груза идеологии, он сделает больше для науки. Иное его не интересовало, ибо по натуре он был законченным аскетом. Главное для него богатство – это книги, без которых он не пред-

ставлял своей жизни. Немаловажно здесь было и то, что он женился на француженке по имени Дельфина Велерс, востоковеде и внучке известного ученого-физиолога, которая, привыкнув к западному комфорту, ни за что бы не поехали в неустроенную Россию.

– Я тогда думал, что тоталитарная система, установленная в России, вечна, – признался мне Мишель. – Ведь ее, казалось, было невозможно ни расшатать, ни разрушить. Кто мог тогда, в конце семидесятых, предвидеть, что пройдет каких-то десять лет и все изменится?

Мишель предложил нам снова выпить. Ирэн отказалась, потому что официантка уже принесла ей мороженое с наполнителем в железной вазочке, а мы с моим новым знакомым продолжили опорожнять бутылку коньяка.

– Да, все случилось так внезапно... – усмехнулся я.

– Вот именно... – отхлебнув из рюмки коньяка, кивнул Мишель. – Вот именно! А то ведь получалось, как в том фильме про вампиров. Родители передавали свою зараженную идеями кровь детям, те – своим, и так бесконечно... Чтобы выжить, люди шли на компромисс со своей совестью, дети же, глядя на них, начинали делать то же самое. Как в свое время китайцам уродовали ноги, заключая их в деревянные колодки, так и в СССР людям уродовали мозги. Наверное, до сих пор бы это продолжалось, если бы не ваш Горби...

– Это не совсем так, – не соглашался я с ним. – Для этого были все предпосылки.

– Вы хотите сказать, во всем виновата западная пропаганда? – хитровато посмотрел на меня Мишель.

– Не только. С годами люди стали кое-что понимать... В массах потихоньку рос протест. Надоели нам все эти пустые речи коммунистических лидеров. Вот семя, брошенное Горбачевым, и попало на хорошую почву... И сразу взрыв. Кто тогда поддержал коммунистов? Да почти никто! Хотелось чего-то нового...

Мишель кивнул. Дескать, он согласен со мной.

– Короче, я понял, что конца этому вампиризму не будет и что Россия, которой я с детства хотел посвятить свою жизнь, для меня навсегда потеряна. Потому я и решил не возвращаться домой. – Он будто бы пытался оправдаться передо мной, потому искал все новые и новые аргументы. – Да-да, я не хотел возвращаться в государство вампиров! Я с головой ушел в свои исследования. Я не мог ни есть, ни пить, все работал, работал... Бывало, сутками не выходил из своего кабинета...

...Но тут вдруг что-то случилось с Россией, которую, несмотря ни на что, он продолжал любить и которую ни на минуту не забывал. И здесь открылась новая страница биографии Михаила Александровича Болохова, или, по-нынешнему, Мишеля Болохоффа.

– Нам неожиданно вернули нашу Россию, – сказал он, и в его глазах я увидел тот блеск, который появляется у человека в минуты душевного подъема. – Мы-то думали, что не доживем до этой поры, а видите, как получилось...

Теперь и он возвращался в свою Россию. Пока что, правда, гостем, но со своей идеей, которая хотя и не является каким-то всеобъемлющим проектом преобразования жизни, однако тоже имеет свою ценность.

– Когда я увидел, что в вашей стране происходят перемены, я решил: мне нужно тоже что-то сделать для России, – говорит Мишель, и я понял, что причиной всему этот великий генетический зов, который дремлет в каждом русском человеке, оказавшемся вдали от родины. – Во Франции я жил неплохо, но тут вдруг понял, что не могу без России. И жена Дельфина поняла это, когда мы несколько лет назад возвращались из Китая через Россию домой, в Париж. Она тогда увидела, что я места себе не нахожу, что просто без ума от счастья оказаться снова на родной земле, и говорит: «Поезжай в Россию, поработай...»

И вот он здесь. Он хочет что-то сделать для России. Впрочем, он уже конкретно знал, что он для нее может сделать. Русские, затеяв свои реформы, остро нуждались в высококвалифицированных специалистах – их-то он и будет готовить, открыв современный институт, – эта-

кий евразийский храм наук, который будет использовать лучшие мировые обучающие методики. Для этого у него есть все: и опыт, и средства... Вот только как на это посмотрят здешние чиновники?..

Я пытался ему помочь. Мы ходили по инстанциям, несколько раз ездили за поддержкой в Москву, в поисках каких-то бумаг отпраплялись на перекладных в Харбин, потом в Париж, потом снова в Харбин. Мы были буквально измотаны дорогой, а еще больше нас злило непонимание российских чиновников, озадаченных необычным предложением и ломавших голову над тем, какую выгоду из этого предприятия они извлекут для себя. Мишель не успевал давать взятки, постоянно удивляясь тому, насколько жаден и коварен наш чиновник. Увы, пока мы утрясали дела, идея Мишеля была раздавлена надвинувшимися штормами перемен. Сам же Болохофф за ненадобностью вновь был выброшен этими штормами на чужие берега. Зная, что я собираю материал о белой харбинской эмиграции, он в знак благодарности за мою помощь оставил мне дневник своего отца. Дескать, буду рад, если он тебе пригодится в твоей литературной работе.

Так вышло, что я долго не мог найти времени, чтобы взять в руки эту старую тетрадь, отмеченную печатью целой эпохи. А когда наконец это мне удалось, когда я прочел первые строки дневника, написанные хорошим убористым почерком, то я уже не мог оторваться от этих пожелтевших от времени страниц. Так я и узнал многое из того, что мне не успел рассказать этот русский француз Мишель Болохофф. Позже мне посчастливилось познакомиться в Китае с эмигрантами первой волны. Разговаривая с этими людьми, я как бы погружался в другое время, жил в нем, кого-то любил, кого-то ненавидел, страдал, строил планы и на что-то надеялся...

Отца Мишеля, как, впрочем, и его матушку, мало кто из этих могижан русского зарубежья помнил, а тот, кто помнил, ничего плохого сказать о них не мог. Только, мол, история их любви овеяна некой тайной, прикоснуться к которой они так и не дали никому...

Глава первая. Болохов

1

На перроне – толпы народу. Одни отъезжают, другие провожают, но есть и просто праздно шатающиеся, среди которых немало карманников. Этих гоняла милиция, посвистывая в свои соловьиные свистки. Картина обычная для трех вокзалов – иначе это будет уже не Москва.

– Это случайно не владивостокский? – оказавшись на платформе Ярославского, спросил Болохов какого-то мужичка с котомкой за плечами и указал глазами на стоявший под парами состав.

– Да, кажись, он... – кивнул тот. – А у тебя, мил человек, случайно не найдется табачка?

– К вашему несчастью, я не курю... – виновато улыбнулся Александр.

Человек, понимая моргнув глазами, пошлепал дальше, а Болохов стал искать свой вагон. Отыскав его, протиснулся сквозь строй провожавших, и уже хотел было подняться по ступеням наверх, когда вдруг услышал за спиной чей-то голос.

– Куда, гражданин? А билетик?..

Это был проводник, средних лет мужичок, обряженный в изрядно поношенную казенную униформу. У него были натруженные руки и рябое сермяжное лицо – будто бы на нем черти в свайку играли. Он долго и внимательно изучал билет и только потом дал Болохову добро.

– Ну что, господин хороший, выпьем, что ли, с устатку? – не успел он войти в купе, предложил ему дородный дядька в овчине, у которого была большая косматая борода, отчего он смахивал на лешего, а еще больше на разбойника с большой дороги.

Поймав настороженный взгляд Болохова, он криво улыбнулся, показав из-под усов несколько крепких прокуренных зубов и пьяно икнул.

– Что, не нравлюсь, ваше благородие? Вот-вот... Сам вижу, на черта стал похож. А все потому, что две недели уже пью. С чего, спросишь? А все с того! Рази не знаешь, что творится вокруг?.. Добрых людей, говорю, эти товарищи большаки решили к ногтю прижать... Вот и прижали! И что мне остается?..

Болохову не было дела до этого пьянчуги. Нужно было устраиваться, и он, приподняв нижнюю полку, поставил под нее свой саквояж. Потом сел у окна и стал наблюдать за перроном. Тем временем бородач, откупорив зубами бутылку, стал пить прямо из горлышка. И пил он так жадно, с таким бульканьем в горле, что Болохов поморщился. Неужели ему придется ехать в компании с этим живоглотом? Спросить бы, куда тот держит путь, да не хочется вступать с ним в разговор. А то ведь привяжется – жизни не даст. Будет нести всякую пьяную чушь всю дорогу.

А тот вдруг сам проявил к нему интерес. Выплотав полбутылки и даже не закусив, спросил, вытирая мурло рукавом полушубка:

– И куда ж мы едем, господин хороший?

«Ну, началось!» – поморщился Александр, решая, отвечать ему на вопрос этого косматого черта или нет. Была б его воля – он бы его спровадил куда подальше, чтобы тот не травил перегаром честной народ, но не будешь же трясти при всех своим удостоверением сотрудника ОГПУ. А вдруг вот этот самый бородач тоже едет в Харбин... А у него на лбу не написано, кто он таков. Встретит на улице да и поднимет хай. Вот, мол, господин чекист, где мы с вами встретились! Тогда, позвольте-ка, я вас провожу в полицейский участок. Вы же, я думаю, нелегально приехали сюда, не так ли?

Чтобы не дать повода бородачу заподозрить его в невежливости, ответил:

– Я еду на Дальний Восток... А вы? – в свою очередь, спросил он.

Тот даже крикнул от удовольствия.

– Так ить и я туда же! Вот как повезло-то, а? Значит, вместе... до конца...

Болохов все-таки ожидал иного ответа, поэтому он даже изменился в лице и, зарывшись в поднятый каракулевый воротник пальто, погрузился в свои невеселые мысли. В вагоне было нетоплено, оттого никто из пассажиров и не думал снимать верхнюю одежду. «Экономят, гады, уголь», – думал он о железной дороге, хотя прекрасно понимал, что страна еще не успела справиться с военной разрухой, и потому правительство постоянно призывало своих граждан жить экономно. Вот и экономили. Ну да ладно, лишь бы был кипяточек, а вот если и его не будет, тогда беда. Хотя из окна своего купе он видел, как прямо к дверям их вагона подкатили сани, груженные углем, и как проводники, два невысоких юрких мужичка, облачившись в старенькие дырявые полушубки, стали таскать наверх набитые коксовыми брикетами мешки.

– Значит, на Дальний Восток... – снова послышался грубый прокуренный голос соседа. – А куда точнее, если не секрет?

Леший уперся в Болохова своими нахальными, чуть с хмельной поволокой глазами, и пытался его разговорить. Есть такие люди, которым тягостно одиночество, и потому они всегда стремятся найти компанию. В планы Болохова не входило вступать в контакт с пассажирами, однако это всегда выглядит слишком подозрительно, когда кто-то начинает увиливать от твоих вопросов, более того, сторониться тебя. Люди ведь не звери, они не должны друг друга бояться, потому, когда заведется этакий одинокий волк, то он сразу даст повод для кривотолков.

Но говорить правду Болохов не мог, поэтому ему пришлось соврать. При этом ответ его был достаточно обтекаемым, из которого трудно было что-то понять конкретное.

– Там будет видно, – ответил. – У меня и в Чите есть дела, и в Хабаровске, и во Владивостоке. Поэтому посмотрю, где мне сойти...

Леший понимающе тряхнул бородой.

– По делам, значит... – Он снова прильнул к горлышку и сделал глоток. – Никак, начальник какой?... – спросил и тут же: – Верно, он самый, а кто ж еще? Чай, был бы кем другим, в купейный бы не забрался. Сегодня только начальство и ездит по «железке» господами. Хотя что там – они и везде нынче господа-бояре...

– Но вы ведь тоже сели в купейный, хотя и не похожи на начальника, – усмехнувшись, произнес Александр.

Леший поморщился.

– Да ладно тебе выкать-то – чай, не на партийном собрании. Что все «вы» да «вы»... Али сам партийный?

Болохов покачал головой.

– Нет, не партийный, – в тон ответил он лешему, хотя это была неправда, потому как на самом деле Александр еще в восемнадцатом вступил в большевистскую партию.

– А кто ж тогда? – Бородач, прищулив один глаз, другим пытался просверлить его насквозь. По виду ему было где-то около сорока, потому, несмотря на то, что он пьян, глаза его не слезились, как это бывает у стариков.

– Я художник, – сказал Болохов, ляпнув первое, что ему пришло в голову. Хотя по легенде он – сотрудник одной из столичных газет. Однако он хорошо знал, что многие граждане с подозрением относятся к людям этой профессии, а то и вовсе боятся их, потому старался не шибко-то распространяться о себе. – Правда, попытался было коммерцией заняться, а тут вдруг этот нэп прикрыли...

Леший почему-то остался доволен ответом. Главное, что перед ним не начальник, к которым у него, по всему было видно, особое отношение.

– У меня тоже, брат, беда... Ты вот про купейный говорил... Да, еду я в ем! Но скорее в последний раз...

– Это еще почему? – У Болохова не было особого интереса к этому человеку, но ради приличия он все же поддерживал разговор.

– А потому! – насупил мохнатые брови сосед. – Слышал что-нибудь про раскулачивание?.. Ну вот, я и есть тот мироед, как там нас большаки называют... Я и есть тот кулак, с которым теперича борются. Выходит, мы с тобой родственники... И тебя в отставку отправили, и меня. Но что эти большаки без нас делать-то будут? Кто им хлеб будет растить, кто будет торговать, дома строить? Лодыри, что ли, эти, которые семечки на завалинках лузгают, вместо того, чтобы делом заниматься? Да не станут они работать – вот попомни мои слова!

Леший так разошелся, что ему стало жарко в своем овчинном одеянии, и он даже попытался его сбросить, но потом вдруг передумал, увидев, как изо рта Александра выпорхнуло чуть заметное облачко пара.

– И где же твой дом? – спросил Болохов.

– Мой-то? Мой в Тверской губернии, – ответил сосед. – Там и семья моя. Жинка, старая мамка да дети еще... Трое уже взрослые, а вот остальные пять... – Он как-то отчаянно махнул рукой. – Их растить еще да растить, а тут того и гляди посадят на подводу и вывезут куда-нибудь в Сибирь. Но это еще ладно, а то ведь могут и в каталажку посадить на гольную воду с сухарями. А еще я слышал... – Он наклонился к Болохову и этак заговорщицки полупшепотом: – Еще я слышал, что расстреливают нашего брата по чем зря... Ты как, не в курсе этой политики? Нет? А я, правда, слышал...

«И не ослышался», – чуть было не сказал вслух Александр. Он-то знал лучше других, что происходит сейчас в стране. Именно их ведомству сегодня приходится проводить эти суровые революционные законы в жизнь. Бывало, задумывался Болохов: а все ли у нас идет правильно? Может, зря мы и нэп тот свернули, и в колхозы людей загоняем? Ведь при Ленине все по-другому было. Он знал, что делал. Вот и новую экономическую политику не случайно разработал взамен «военного коммунизма», заменив продразверстку продналогом. Был голод, люди хлеб по карточкам получали, а тут вдруг с приходом мелких капиталистических предприятий и частной торговли продукт на прилавках появился. Вот тогда-то и возник этот настоящий, а не тот прежний, декларативный союз рабочего класса с крестьянством, когда стали развиваться связи социалистической промышленности с мелкотоварными крестьянскими хозяйствами. Все это обеспечивало быстрое восстановление народного хозяйства и начало его социалистической перестройки. А тут вдруг взяли да порушили все. И сразу в стране начался голод. Вон сколько народу повымирало за эти последние месяцы. И все оттого, что жрать нечего. Ну зачем, зачем нужно было ставить все с ног на голову? Неужто в правительстве не нашлось ни одного умного человека, который бы взял да высказался против нового курса партии? Но об этом вслух Александр говорить не мог, помня о том, что теперь каждое слово, сказанное против партии, становится смертельным приговором. Это еще недавно можно было обсуждать по любому поводу, а теперь пришли иные времена. Партия закручивает гайки, вот и нужно быть предельно осторожным. А он, Болохов, чекист, и ему вообще преступно держать в голове крамольные мысли.

– А что ж от семьи-то уехал? – чтобы остановить поток тех самых крамольных мыслей, спросил он бородача.

Тот тяжело вздыхает.

– Да вот решил поглядеть, как там, у океана, люди живут, – проговорил он. – Говорят, жизнь там вольная – не в пример нашей. И земли столько, что некому ее обрабатывать. Если что, туда и перевезу семью-то. Но прежде все же надо поглядеть...

«Хитрый ты Митрий, – усмехнулся про себя Александр. – Впрочем, настоящий хозяин и должен быть таким. Прежде чем отрезать, семь раз отмерит. Только хочу тебя разочаровать, мил человек: и на Дальнем Востоке нынче та же петрушка. И там нэп прикрыли, и там пол-

ным ходом идет раскулачивание. Отсюда и крестьянские бунты по всей стране. Что-то будет дальше?..»

Открылась дверь, и на пороге в сопровождении молодой дамочки, одетой в новое габардиновое пальто с лисьим воротником, и военного появилась толстая пожилая тетка, замотанная в козью пуховую шаль.

– Ой, здравствуйте, люди добрые! – протискиваясь в купе, громко проговорила толстуха. Увидев, что там одни мужики, немного сконфузилась и с упреком глянула на стоявшего за ее спиной молодого человека в длинной шинели и нахлобученной на глаза буденовке. Мол, видишь? А ты говорил...

Что он там ей говорил – никто не знает, только военный вдруг наклонился к ее уху и шепнул:

– Мама, не беспокойтесь! Никто вас не обидит. Я поговорю с проводниками...

Мужчина внес в купе новенький фибровый чемодан, а следом и лукошко с продуктами. Чемодан он оставил прямо в проходе, так как из-за больших габаритов его нельзя было нигде спрятать, а лукошко засунул под столик.

– Ну, мама, мы пошли – что уж ждать-то? – произнесла молодая дамочка и поправила на голове свой белоснежный вязаный берет.

– Идите, детки, идите... – вздохнув, сказала тетка. – Дайте только я вас поцелую...

Прощаясь, она для порядка всплакнула. Когда же провожающие ушли, тут же, утерев слезы, включилась в дорожную жизнь. Прежде всего она попросила человека, похожего на лешего, освободить ей место у окна, сославшись на то, что она собирается отужинать.

– Может, нам выйти пока? – спросил ее Болохов.

Та замахала руками.

– Да нет-нет, что вы!.. Сидите... Я вот только спросить хочу: вы, случаем, не собираетесь курить в купе?

Болохов покачал головой.

– Я вообще не курю... может, только вот этот товарищ?... – Он указал глазами на соседа. – Но мы его попросим, чтобы он в тамбур выходил...

Тот скривил физиономию.

– И тут, дьяволы, жизни не дают... – простонал он. – Ладно, что уж там... Могу и в тамбуре покурить.

– Ну вот и договорились, – улыбнулся Болохов. – Так, может, нам все-таки выйти? – снова повторил он свой вопрос, обращаясь к тетке. А та:

– Не тревожься, милый. Я вот попросила человека, чтоб он мне местечко уступил, – вот и хватит...

– Да садись, садись, а я на свою полку полезу, – прохрипел сосед в овчине. Допив до конца бутыль, он совсем окосел и ему потребовался покой. На старые дрожжи оно всегда так. Глотнул – и спекся. «А иначе, – думал Болохов, – этот леший еще долго бы духарился. Это хорошо, если он не буйный, а то ведь бывают такие, что в пьяном угаре готовы и к столбу прикопаться».

– Сынок, угощайся, – расстелив газету на столике и обставив ее продуктом, предложила Александру тетка. В отличие от пьяного лешего, он, видимо, вызывал у нее доверие, и потому она решила на всякий случай расположить его к себе. – Вот тут курочка, вот яички, вот сало с чесночком, а это колбаска... Ешь, милый...

Болохов сплотнул голодную слюну, хотя перед тем, как отправиться на вокзал, он успел забежать в рабочую столовку возле бывшего завода Гужона и поесть.

– Нет, спасибо, я сыт, – проговорил он.

Тетка шмыгнула носом.

– Ну, смотрите, а то бы поели... Мне все равно всего не съесть за дорогу. А продукт портится, – сказала она.

– А вы куда едете? – не преминул задать ей обычный в таких случаях вопрос Александр. Та на мгновение задумалась. А правда, куда она едет? Ах да...

– Я это... в Иркутск еду, миленькай, на Байкал... Слыхали?

Ну как же не слышать! В марте двадцатого года ему вместе с товарищами пришлось с боем брать этот город. Его тогда даже легко ранило.

– Слыхал, но быть не бывал, – соврал Болохов.

– А вот мой зять... Да вы его видели – он провожал меня сегодня... – объясняла тетка. – Так вот он со своим эскадроном освобождал Иркутск от Колчака. Там и познакомился с моей Анькой. А когда война закончилась, он приехал за ней и увез в Москву. Тут он в академии учился. А теперь вот стал большим начальником...

«Да это и без того понятно», – подумал Александр, вспомнив про три ромба в петлице провожавшего тетку военного. Иначе ты бы не ехала в спальном вагоне.

– Так, говоришь, начальник твой зять? – прозвучал сверху хриплый голос лешего – будто бы то небесные ангелы свои иерихонские трубы решили прочистить.

– Ну да, начальник, – ничего не подозревая, с гордостью подтвердила тетка.

Следом сверху послышался не то кашель, не то загробный смех.

– Выходит, это твой зятек нынче нашего брата к ногтю прижимает? – спросил леший. – Что, не рассказывал он тебе, как крестьян под Тамбовом шашкой рубил?

Тетка испуганно посмотрела на Болохова, мол, что это сосед там говорит? Потом перевела взгляд за окно, будто бы искала глазами зятка. Но того и след простыл.

– Так, значит, вы в Иркутске живете? – чтобы заставить женщину забыть про лешего, вроде как заинтересованно спросил ее Александр.

– Ну да, там, – подтвердила она, а сама косилась вверх. – Муж помер, теперь одна век коротаю. Трудно, конечно, приходится одной-то, но ничего, детки помогают. Вот погостить к ним приезжала.

– Да вы ешьте, ешьте... – сказал ей Болохов. – А то я вас отвлекаю своим разговором.

Она взяла в руки яйцо и, постучав им по столу, начала очищать его от скорлупы. Потом, обмокнув в соль, и поднесла ко рту. Покончив с яйцом, взялась за курицу. Привычным движением оторвала от туловища ножку, затем начала ее обгладывать. Глядя на нее, Болохов снова слотнул слюну. Вот сейчас он и, правда, поел бы. Слишком жидкими были те столовские щи, да и в котлете больше было хлеба, чем мяса, так что это только показалось ему, что он наелся. Была б у него жена, она бы не отпустила его голодного. И даже в дорогу что-то бы дала. А так он даже не знает, что обычно берут с собой в таких случаях. Не ориентируется он в этих жизненных пустяках – и точка. Все надеется на столовки да трактиры. А они не везде есть. Так что приходилось порой и голодать, даже несмотря на то, что в кармане у него лежали деньги. Да что там, бывало, проснется среди ночи и в голодном припадке начнет шататься по кухне в поисках какой-нибудь жратвы. А там шаром покати. Не будешь же у соседей по коммуналке в столах шарить. Приходилось извиниться перед своим пустым желудком и не солоно хлебавши снова ложиться в постель. А разве заснешь, если твои кишки на всю коммуналку урчат, так урчат, что, наверное, их голодную симфонию вся Москва слышит?

Впрочем, ему не привыкать. Он помнит, как они с курянином Аркашкой Тумановым, дружкой своим, перебивались с кваса на воду, когда учились в «художке». Помочь-то некому было, потому как оба были сиротами. Аркашка тот вообще родителей своих не помнил, а Болохова после гибели отца во время кронштадтского восстания 1905 года воспитывать пришлось вдовой матушке, у которой кроме Александра было еще три рта. Так что все эти горы яблок, апельсинов, винограда, фиников и прочих сладостей, что лежали за стеклянной витриной магазина Левина, друзья могли поедать только глазами.

Вот и приходилось им крутиться. Все деньги, которые им удавалось заработать «халтурой», а работы для художников в городе всегда хватало, так вот все эти деньги, что друзья получали за свои старательно размалеванные витрины магазинов и трактирные вывески, они почти полностью отдавали домовладелице, старой вредной немке Марлис Ленц. Та за маленькую комнатенку под самой крышей, где они устроили себе мастерскую, драла с них три шкуры, как за хоромы в бельэтаже. На то, что оставалось, они покупали кисти, краски и холст. О какой жратве после этого можно было говорить? Короче, питались, чем Бог пошлет. В основном ходили по закусочным, где на столах всегда был бесплатный хлеб с солью. Это и была в основном их еда, которую они запивали таким же бесплатным несладким чаем. Можно было бы, конечно, пойти к Сашкиной тетке на Большую Морскую, семья которой хоть и жила ни шатко ни валко, однако у них всегда было, что пожрать. Но сытость, как и богатство, в их творческом цеху не приветствовалась, потому как считалось, что настоящим художником может быть только голодный пахарь от искусства.

Все это кончилось в одночасье, когда началась Гражданская война, и Болохов встал на казенное красноармейское довольствие, где тоже было нежирно, но все же живот к позвоночнику не прилипал. «Ничего, – говорил им командир эскадрона, пожилой хохол по фамилии Петренко. – Вот прогоним беляков, жизнь сразу и изменится, так что вместо перловки будем есть сало». Но кабы его слова да Богу в уши. Да, что-то изменилось, но теперь снова возвращается голод. И то, что эта тетка у окна ест курицу с колбасой, еще не показатель народного благополучия, потому как все это куплено на деньги ее начальствующего зятя. А был бы зять, к примеру, таким вот, как этот длинноносый, похожий на мумию, лысый очкарик, который только что вошел в их купе и теперь, не отрывая голодных глаз от стола, тихо сидел рядом с Болоховым, прижав к груди футляр со скрипкой, тогда бы все, быть может, было по-другому. Тогда эта тетка вместо курицы, скорее всего, жевала бы серу, которую завернутые в старенькие шали предприимчивые бабульки продают на перроне и которую взрослые покупают не только для своих детей, но и для себя, чтобы голод в дороге заглушить. Это как с тем же табаком. Порой, чтобы избавиться от чувства голода, иные артельные люди из тех же железнодорожных рабочих начинают гонять по кругу «козью ногу». Сил от этого никаких, но зато желудок обмануть можно.

Заметив на себе пристальный взгляд Болохова, очкарик сконфузился, а потом вдруг протянул руку.

– Сандер... Иосиф Семенович... Скрипач, – представился он и тут же добавил: – Бывший.

– Болохов... – ничего не оставалось, как отрекомендоваться Александру. – Коммерсант. Тоже, кстати, бывший.

Очкарик понимающе дернул кадыком.

– Сегодня все вокруг бывшие, – явно грассируя, проговорил он. – Мама дорогая! Что творится, что творится... – Он сокрушенно покачал головой. – Театр, в котором я работал, закрыли, потому что посчитали, что наш репертуар, видите ли, не соответствует чаяниям народных масс. Ресторан, куда я перешел тапером, тоже закрыли, заявив, что трудовой народ туда не ходит, а только жулики и спекулянты... Так, спрашивается, куда податься бедному еврею?

Болохов улыбнулся.

– Тем не менее вы куда-то все-таки подались... – проговорил он.

Очкарик вздохнул.

– А что было делать? Еду в Хабаровск, на разведку... Говорят, там где-то собираются создать что-то вроде еврейской республики. Мои коллеги-музыканты собрали для меня денег на дорогу, мол, поезжай, Ёся, погляди, что да как. Если что – мы все туда уедем. – Он снова вздохнул. – Еврейская республика – это хорошо. Но мы народ теплолюбивый, южный. Вы,

надеюсь, знаете нашу историю... Я имею в виду исход евреев из древнего Израиля. Так вот, нам хотелось бы куда-нибудь, где потеплее. Даже господину Сталину писали, чтобы он отдал нам Крым. А тот ни в какую. Еще, мол, не хватало! Мама дорогая, ну почему, почему так не любят у нас евреев?

Над головой будто бы небо зашевелилось в своем возмущении.

– Да разве только евреев! – раздался голос лешего. – А русского кто у нас любит?.. А татарина? Да у нас всех сегодня под одну гребенку стригут, всех! Скоро строим будем ходить – вот попомните мои слова!

Сандер с опаской взглянул наверх.

– Мне бы не хотелось ходить строем, – поежившись, проговорил он.

– Так придется, мил человек, придется! – пугал его голос сверху. – Это в лучшем случае, в худшем – всех нас на лесоповал пошлют... Или болота пошлют в тайге осушать, или в пустыню каналы рыть... Что, не нравится? А почто тогда, мил человек, ты за революцию ратовал?

Сандера возмутило такое заявление.

– Лично я не ратовал!

– Врешь! Ты же жид, так ведь?.. Ну а жида все в революцию пошли. Они и теперь нами правят. Оттого и жизнь такая... – Леший смачно выругался.

– Вы бы, милейший, не распускали так язычок, – заскрипел зубами Болохов.

Сверху послышалось пьяное ржание.

– А что это ты так защищаешь краснопузых? – спросил лешак. – Тебя ж они тоже со счету списали.

Это был не тот случай, когда Болохов мог постоять за родную власть, поэтому он сказал:

– Да причем тут это... Я не хочу, чтобы вы при женщине ругались... Прошу вас, не ругайтесь больше.

Ах, эти манеры! Александр давно от них отвык, потому как и в армии, и на Лубянке, где он служил, был другой язык. Примерно такой, на котором пытался сейчас говорить леший. Но Александр едет в Харбин, он будет возвращаться в обществе, где не пристало говорить на языке московских и питерских окраин. Хотя за последние годы и те, что за границей, огрубели, правда, не настолько, чтобы выражаться при женщинах. У тех людей вековая прививка от хамства. Так что не дай бог их разочаровать – не простят. А он должен стать для них своим человеком, которому они будут всецело доверять. Поэтому он должен уже сейчас что-то изменить в себе, избавиться от налета грубости, которая за эти последние годы стала частью его характера, очиститься, отмыться, отрешиться хотя бы на время от многих своих мыслей. Ведь любое необдуманно сказанное слово, а равно и действие может выдать тебя с головой. Да, здесь, в этой стране, кому-то твое лицедейство может и не понравиться, даже морду, глядишь, попытаются набить, однако ради дела можно и такое стерпеть, главное – верно исполнять свою партию. Пригодится. Мир тесен, и может такое случиться, что где-то там, за границей, рядом с тобой окажется бывший твой случайный знакомый, который запомнил тебя таким, каким ты сейчас стараешься выглядеть. Нет, не ярым защитником новых порядков, а человеком, который испытывает боль при виде всего, что творится вокруг.

– Ну вот, попал я, братцы, как кур в ошип! – обиделся леший. – Теперь вот и материться запрещают. А как тут выживешь без матюгов, когда тебе кажен день только и знают, что роют могилу?.. И это кому! Мне, человеку, который, почитай, еще недавно кормил хлебом весь свой уезд! Слыхали про Фому Боброва? Так вот я и есть он самый. А что пьяный, так это от ярости жизни. Ну не могу я так, не могу! И-их!.. Да за что ж ты меня этак, Господи? Да неужто я тебя прогневил чем? – Он немного помолчал, потом вдруг этак возмущенно: – А что это мы так долго не едим? Али дров не запасли для паровоза? Э-э, большаки вы большаки! Вам бы кур доить, а не государством править...

Наконец где-то впереди раздался паровозный гудок. Состав дернулся, и вот уже мимо окон медленно поплыла платформа с людьми.

– Ну все, кажется, поехали... Мама дорогая! И куда это меня несет? – отчаянно проговорил очкарик. И даже не проговорил, а проплакал, словно тот заяц-беляк, попавший в лапы гончей. Однажды, когда Александр был маленьким, отец взял его на охоту, и он помнит, как захлебывался в плаче умирающий зайчишка – ну точно ребенок.

– Вы когда-нибудь слышали, как плачут зайцы? – почему-то спросил его Болохов.

– Нет, – ответил тот. – А разве они плачут?

– Плачут, да еще как! – в глубине души жалея этого человека, произнес Александр. Тот выглядел настолько потерянным и несчастным, что его нельзя было не пожалеть. «Ну куда же ты едешь, дядя? – мысленно спрашивал его Болохов. Неужели ты думаешь, что тебя кто-то где-то ждет? И вообще кому сегодня нужна твоя скрипка? Другое дело – лопата с кайлом...»

2

До Благовещенска Болохов добирался больше двух недель. Несмотря на то, что в стране полным ходом шло восстановление разрушенного Гражданской войной хозяйства, но и сейчас, через десять с лишним лет после октябрьского переворота, государственная экономика продолжала давать сбои. Взять ту же железную дорогу, где до сей поры не могли навести порядок, который был при царском правлении. Раньше поезда ходили строго по расписанию, а теперь то у них с углем напряженка, то рельсы от старости лопаются, то прогнившие шпалы нечем заменить. Вот и приходилось сутками стоять в тупиках в ожидании чуда. На станциях тоже не лучше. Ни кипятка тебе, как в прежние времена, ни буфетов с продуктом. Сунешься – и вернешься ни с чем. Разве что у какой старушки вареной картошки, посыпанной жареным луком, перехватишь – на большее не рассчитывай. А что в вагонах творится! Вонь, грязь... Окна и те застеклить некому. Зимой еще ладно, а если ты поздней осенью отправился в путь или, допустим, в зимнюю стужу?... Это уже даже вам не драма – трагедия! Сам Сталин недавно заявил, что железная дорога есть наше слабое место, о которое спотыкается вся наша экономика.

...Вот в таком выстуженном вагоне и отправился Болохов в конце января 1929 года к далекому Амуру. До Урала еще было терпимо, здесь климат мягче, а вот за хребтом резко похолодало, и закашлял народ. Тут бы согреться чем, а если нечем? Это хорошо тому, у кого водочка с собой была с салцом – тут уже можно было перемочь всю эту недолгу, но большинство ведь ехали без припасов. Думали, в дороге чего урвут, тем же кипятком перебьются, а кипятком-то в дефиците оказался. Вот и страдали люди.

Среди этих страдальцев был и Болохов. Правда, кипяток, в отличие от других вагонов, в их спальном все-таки имелся. Шустрые проводники, понимая, что народ здесь едет непростой, как могли, старались. У них даже сахарок с заваркой к кипяточку был припасен, а еще «московские сухарики» в упаковке. И все это подавалось на подносе. Порой на другом конце вагона было слышно, как звенят стаканы с ложечками в мельхиоровых подстаканниках, когда проводники разносили чай. И тепло становилось на душе от этого веселого перезвона. Однако на одном чае да сухарях далеко, как говорится, не уедешь. Поэтому Болохову приходилось посещать вагон-ресторан. Благо, деньги на это пока что имелись. Хотя, когда он уезжал, в финчasti его строго-настрого предупредили, чтобы он особо-то не барствовал. Дескать, время сейчас тяжелое, поэтому экономь. А-то, мол, так мы весь командировочный лимит быстренько исчерпаем. Правда, пообещали, что в Харбине он получит от резидента немного инвалюты. Так сказать, на первый случай. А потом-де сам крутись.

Что и говорить, судьба нелегала всегда находится в его собственных руках. Надеяться тут особо не на кого. Так что зарабатывать на жизнь часто приходится самому. Взять ту же иностранную валюту. Откуда ей браться, если Советская Россия по-прежнему находится в эко-

номической блокаде? В конце концов не налетчиков же своих засылать за кордон, чтобы они грабили иностранные банки. Это до революции большевики не брезговали экспроприировать чужое добро, чтобы достать деньги на содержание своей организации, а теперь им нужен был цивилизованный имидж – только так можно было завоевать авторитет у заграницы. Вот и приходилось чекистам совмещать профессии. Одни, работая под прикрытием, становились журналистами, другие адвокатами или аптекарями, а кому-то, как, к примеру, приятелю Болохова Семену Шпигельгласу, пришлось даже в Париже раками торговать. Казенные деньги не жалели лишь в том случае, когда нужно было кого-то завербовать или нанять человека, который за хорошее вознаграждение готов был выполнить любое поручение. А больше ни-ни...

...А на одной из станций, это когда они уже перевалили за Урал, вагон-ресторан вдруг отцепили, сославшись на то, что у него вышла из строя колесная пара. Тут же у всех, кто им пользовался, заурчали голодные кишки, и люди заныли от отчаяния. Болохову тоже стало грустно, и это несмотря на то, что к еде он относился, в общем-то, по философски. Есть она – хорошо, нет – и так не пропадем. На этот раз его проняло. Черт бы их всех побрал! – думал он, возвращаясь со станции с пустыми руками. – И куда все подевалось? Ведь даже в Гражданскую буфеты на вокзалах работали, а тут консерву плохонькую негде купить. Неужто так сложно наладить торговлю? Днепрогэс вон мощную строим, самый большой в мире металлургический комбинат на Урале возводим у подножия горы Магнитной, а тут на станциях шаром покати – не смешно ли? А ведь еще римляне говорили, что дорога – это жизнь. А какая тут, к черту, жизнь, когда ни пожарть тебе, ни выпить. А холод-то, холод какой в вагоне! Как будто ледниковый период снова наступил.

Болохов был человеком бывалым, но и его раздражала, более того, выводила из себя вся эта неразбериха на железной дороге, весь этот неустрой и беспорядок. Люди уже начинают ко всему этому привыкать, но то, думает он, плохая привычка. Свинья ведь тоже привыкает к грязи, но люди ведь не свиньи. Не для того он с товарищами совершал эту революцию, чтобы им жилось хуже, чем при царе. А ведь покуда хуже. Отсюда разброд и шатания повсюду. Бурчит народ. Те, кто еще вчера приветствовал революцию, перестают верить большевикам. А это трагедия. Из курса Всемирной истории Болохов знал, что бывает, когда народ начинает разочаровываться в революции. Тогда, чтобы защитить ее, вожди велят сечь недовольным головы. Это называется революционным террором, который не возникает сам по себе, а порождается объективными обстоятельствами. Вот и партия Ленина все чаще начинает прибегать к силовым мерам, пытаясь заткнуть глотки тем, кто наносит вред революции. Болохов считает, что такие действия в данной ситуации можно оправдать – ведь они направлены на то, чтобы удерживать в руках власть. Да, крови пролито уже много – одна Гражданская война чего стоит! – но без крови революций не бывает. Всегда найдутся те, кто захочет повернуть все вспять. Внутренние враги – это одно, но ведь есть еще враги внешние. Те-то думали, год-два – и все у большевиков закончится крахом, ан, нет, дышим, радуется Болохов. Даже в будущее смотрим. Вот и первый пятилетний план приняли, по которому уже второй месяц живет вся стана. В общем, дела идут – только бы войны не было.

А ведь вожди говорят, что она неизбежна и что к ней нужно готовиться. Вон сколько военных заводов заложили по стране. В течение нескольких лет хотим провести полное обновление индустрии. Для этого даже самых лучших зарубежных специалистов приглашаем на заводы, чтобы те учили советскую молодежь. А ведь именно на молодежь сегодня вся ставка. Эти не знают, как там было раньше, живут настоящим. Им кажется, что раньше вообще ничего не было, что мировая история начинается именно с них. Смешно об этом слышать, однако позиция эта революционно разумна. Как там в песне?.. «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...» Правильно, незачем оглядываться назад, надо жить будущим. А будущее это должно быть светлым. Но чтобы и впрямь у революции было будущее, ее нужно защитить. И они, большевики, этим сейчас занимаются. Для

этого партия мобилизовала все силы, призвав в ряды защитников революции лучших своих товарищей. Болохов – один из них. У него большой опыт борьбы, и партия учла этот факт, когда предложила ему работу в органах ЧК. И вот он уже почти десять лет занимается тем, что борется с врагами революции. У него особый статус. Как у того Самсона, который по распоряжению Робеспьера и его соратников рубил головы противникам якобинской диктатуры. Правда, Болохову эшафот и гильотина не нужны – все его задания носят абсолютно секретный характер. Таких, как он, в их ведомстве называют «чистильщиками», которые тайно убирают врагов революции, стараясь при этом не оставлять никаких следов. Это обычно воинствующие фанатики. Совершив политическое убийство, торопятся взять всю вину на себя, а партии такая реклама не нужна. Как говорится, сделал дело – и концы в воду.

...После Омска вообще стало ехать нелегко. Ледяной ветер, не видя преграды, буквально врывается в разбитые окна вагона, выгоняя из него последнее тепло. Народ примолк в ощущении своей беспомощности. А если и подавал голос, то только затем, чтобы выплеснуть свою внутреннюю тревогу.

– Ой, померем ведь, померем! – причитала какая-то тетка за стенкой. Там на последней остановке хулиганы, выстрелив из рогатки, разбили окно, и люди страдали. – Ты б, мил человек, заткнул бы чем эту дыру, – обратилась она, видимо, к соседу. – А то точно померем!

– Стрелять всех этих бандитов надо! – в ответ прозвучал высокий мужской голос. – А то они жизни нам не дадут.

– У меня ребенок уже простыл – слышите, как кашляет? Не дай бог, скарлатину какую подхватит, и что я тогда? – спрашивала молодая родительница, укачивая на руках годовалого пацана, который часто и надрывно кашлял и исходил ревом.

– Да не верещите вы, ей-богу, – доедем! – пытался успокоить соседей низкий мужской голос – А дыру я сейчас чем-нибудь закрою...

– Чей-то они там так раскудахтались?... – недовольно пробурчал со второй полки бородач, который назвался Фомой Бобровым. Тот не просыхал всю дорогу. Покончит с одной бутылкой – лезет за другой. Когда запасам пришел конец, он стал выходить на остановках, где ему за три цены какие-то дошлые люди продавали из-под полы водку. Впрочем, он не брезговал и бражкой, а если был самогон, то был рад и ему. Главное, чтобы било в голову. Так легче переживать момент, а еще – быстрее время летит.

– Да окно там у них, кажется, разбили, – ответил Сандер.

Лешак, а так его про себя называл Александр, недовольно хмыкнул.

– Ну и что с того? У нас жизнь разбили – и ничего, а тут всего-то окно... Правильно я говорю, гражданин хороший? – оперев голову на локоть, глядит он сверху вниз на Болохова. Тот только поежился и поглубже зарылся в свое черное цивильное пальто на ватине, которое накануне ему сшили по специальному заказу в ведомственной портняжной. Не в красноармейской же шинели ехать, да и не в кожанке, какие носил каждый второй его коллега, перепоясавшись солдатским ремнем.

– Это вы, может, доедете, дяденька, а мы нет, – снова зазвучал за стенкой плаксивый голос молодой мамы. – Ой, чую, не довезу я сыночка... И что отцу его буду говорить?

– Нате вот мое пальто, – произнес низкий голос. – Накройте им малыша.

– Ба! – изумилась за стенкой мама. – А вы как же? Ведь вон как холодно.

– Ничего, я как-нибудь... Ты малыша береги.

Лешак, слышавший все это, снова хмыкнул.

– Пусть скажет спасибо, что в купейном едет, а то бы вовсе впору было руки на себя наложить, – проговорил он.

– Вы это кому говорите, уважаемый? – не понял его скрипач.

Тот усмехнулся.

– Кому-кому!.. Кому надо, тому и говорю... – Он на мгновение умолк, чтобы подчеркнуть свою глубокомысленную сущность, а потом снова в купе раздался его куражливый голос. – Раньше только благородные люди разъезжали в спальнях вагонах. Остальная муть ехала в плацкартных да общих. И правильно, все должно в этой жизни соответствовать своему рангу. А то ведь бардак получается. Ну, посади сюда, допустим, сопливого деревенского мужика, который в своем хозяйстве-то навести порядок не может. И что будет? Грязь, те же сопли, да еще дух зловонный... Или, к примеру, взять тебя, Абрашка, – обращается он к Сандеру, – и вот этого благородного господина в новом пальто. Он точно по рангу едет, потому что в нем дух чистоты и культуры живет, а ты что? Ну, глянь на себя – разве ты достоин спального вагона?

Скрипач оскорбился.

– Я думаю, и вы далеко не благородных кровей! – покраснев от возмущения, заявил он. – Но вы же едете... И вообще сегодня у нас все равны! Свобода, равенство, братство – слышали о таком?

Леший вдруг начал ржать, словно лошадь.

– О каком, братец, равенстве ты говоришь? – спросил он. – Ну а свобода... Где она? Тю-тю! А может, ты еще скажешь, что мы братья друг другу? Нет, милый, это только лозунги ваши такие, а на самом деле ничего этого нет. Если бы это было, мы бы с тобой сидели сейчас дома, а не мерзли здесь...

– Я, конечно, извиняюсь, но ты, сосед, не прав, – неожиданно подала свой голос генеральская теща, которую, как выяснилось, звали тетей Полей. Она только что в очередной раз поела и теперь прилегла на нижнюю полку отдохнуть. – Вот взять моих детей. Кем бы они сейчас были, если бы не революция? – а так в люди вышли. В доме вместе с правительством живут. Конечно, не все еще у нас так, как хотелось бы... Я рассказывала зятю, как живут наши сибиряки, как они перебиваются с кваса на воду да костерят власть, а он не верит. Не может, мол, такого быть, у нас все властью довольны, а я ему: а вот и не все!

– Конечно, не все! – поддакнул ей скрипач. – Война давно кончилась, а люди по-прежнему стреляют друг в друга.

– Стреляют... – согласилась тетка. – У меня соседа в прошлый год ни за что убили. И ведь не бандиты какие – свои, государственные люди. Парень только словом нынешнюю власть уколол, а его и хлопнули. Взяли прямо из дома вечером и хлопнули.

– Кто хлопнул-то? – поинтересовался Фома.

– Сказала же, государственные люди... Из местного ЧК.

Бородач тяжело вздохнул.

– В городе, что ль, живешь? – спросил тетку.

– Да в ем, – ответила та. – Иркутская я. Там всю жизнь и прожила-промаялась.

– А что маялась-то? – не понял бородач.

Соседка фыркнула.

– Как что? Разве то раньше жизнь была? – спросила.

– Ну а сейчас лучше, что ль? – напрягся в своем порыве Фома. – Для простого человека ить и сейчас жизни нет. Кругом те же баре. Правда, раньше палкой били, а теперь все к стенке норовят поставить.

Услышав это, Болохов нахмурился. Ему бы прекратить этот разговор, а он не может. Потому что его не поймут. И сразу начнут что-то подозревать. А ему это надо? В другой бы раз он не промолчал – выдал бы им по полной. Чтобы они никогда больше такого не говорили. Но сейчас об этом и думать нельзя было.

– Ну а ты говорила своему генералу про соседа? – спросил Фома тетку.

– Говорила, – ответила та.

– А он что?

Тетка Поля вздохнула.

– Он-то?.. А ему по чину нельзя нашу жизнь критиковать. А так он все понимает – он у нас умный. Однажды, правда, сказал: ЧК – это еще не вся советская власть. Так что и на нее, если надо, управа найдется.

Болохов побледнел. Что ж ты делаешь, глупая! – чуть было не сорвалось у него с языка. – Ты же зятя своего таким вот образом подводишь. Ишь, раскудахталась!.. Или не знаешь, в какое время живем? Вот возьмет кто да донесет на тебя – и все, и поминай, как звали. А заодно и детям твоим не поздоровится.

– А давайте не будем о политике... – пытался перевести он разговор на другую тему. – Лучше расскажи-ка, друг сердечный, о том, как там наш крестьянин готовится к посевной, – обратился он к Фоме. – Есть ли семена, как обстоят дела с техникой? «Фордзоны»-то небось пришли в село? Или у вас по-прежнему все на лошадиной тяге? – выказывал он свои крестьянские познания. Однако лешак молчал. – Ну что молчишь? Или сказать нечего?..

– Ну как же, скажу!.. – наконец откликнулся Фома. – Деревня без мужика осталась – тогда о чем может быть речь? Не будет никакого сева...

– Врешь! – вдруг не выдержал Болохов. – Врешь ты все! Крестьянин – он вечен, потому никуда он не денется. И неважно, при каком строе он живет. Он все равно будет работать на земле. А ты?.. Нет, ты не мужик, ты... ты паникер!

При этих словах у Фомы глаза чуть не вылезли из орбит.

– А ну повтори еще раз!.. – грозно проговорил он, пытаясь слезть с полки. – Повтори, говорю тебе!

Болохов знал, что обычно за этим следует, поэтому решил каким-то образом успокоить Фому. Нет, не из-за страха получить от того бугая по морде, просто ему не нужен был шум. А вообще-то он за себя постоять мог. На курсах по подготовке оперативных работников ОГПУ им преподавали боевые приемы борьбы, которые он неплохо освоил. Позже это ему не раз помогало, когда он был вынужден без оружия в руках защищать свою жизнь. А ведь не подумаешь. Весь его вид – и эта копна чуть выющихся льняных волос, и это бледное продолговатое красивое лицо с чувственным ртом и ясной голубизной глаз – больше говорил о том, что перед вами этакий рафинированный интеллигентик. А то и молодой повеса, какие еще недавно в поисках приключений дефилировали по Невскому и которым было чуждо все грубое и недостойное их внутренним установкам. Однако, несмотря на свою внешность, это был матерый и жесткий в своих решениях боец революции.

– А что, если мы закажем чайку? – неожиданно предложил он соседям. Не дождавшись ответа, он открыл дверь. – Сейчас я схожу к проводникам, спрошу, есть ли у них кипяток...

Пока он где-то гулял, Фома, пережив в душе обиду, вытянулся наверху и захрапел. И когда он через какое-то время проснулся, то его уже занимали совершенно другие мысли.

Глава вторая. Секретная миссия

1

На Дальний Восток Болохов ехал с двойственным чувством. С одной стороны, он рад был снова оказаться в тех краях, где для него когда-то закончилась Гражданская война. Одно- временно он ощущал в душе какую-то смутную тревогу. Как у всякого тяготеющего к искус- ству человека, у него было хорошо развито иррациональное начало, проще говоря, интуиция, которая не раз выручала его в трудную минуту. Ведь он умел предчувствовать беду, что очень важно для разведчика. Только сейчас он никак не мог понять, что вдруг его так сильно встре- вожило. Ведь за эти годы он должен был уже привыкнуть ко всему, а тут вдруг такое...

Прошло уже почти десять лет с тех пор, как бывший лихой рубака Сашка Болохов впер- вые попал на Дальний Восток. К тому времени уже ушли в прошлое кровопролитные бои за Москву, Петроград, юг России, Поволжье, Урал, Сибирь. Стали историей походы против Дени- кина, Краснова, Юденича и Колчака, экспедиционных корпусов Антанты и белочехов. Но впе- реди еще были Амурский, Хабаровский и Уссурийский фронты, ликвидация бочкаревской авантюры на Камчатке, пепеляевская – на Охотском побережье, освобождение от японцев и белогвардейцев Читы, Благовещенска, Хабаровска, Уссурийска и Владивостока.

К двадцатому году красным удалось выйти на линию Транссиба и с боями дойти до стан- ции Иман, однако юг Приморья по-прежнему оставался в руках противника. Это был послед- ний очаг сопротивления врагов революции, который красные пытались уничтожить. Однако покуда им это не удавалось. Обстановка по-прежнему оставалась напряженной и опасной. Про- тивник не только не цеплялся за последнюю возможность остаться на территории России, но и делал попытки развить наступление в надежде вновь раздуть пламя Гражданской войны. Этому способствовала позиция Японии, которая отказывалась вести переговоры с советским прави- тельством о заключении мира. Более того, в начале 1920 года она договорилась с США об уси- лении антисоветской интервенции. Все это говорило о том, что враг попытается взять реванш за прежние свои поражения. Дальневосточникам требовалась помощь, однако Советская рес- публика, связанная борьбой с Врангелем и белополяками, была зажата в тисках разрухи, голода и блокады и не могла вести войну на два фронта.

Под давлением мирового общественного мнения японское командование пообещало сохранить нейтралитет и не вмешиваться в русские дела, если на Дальнем Востоке не будет объявлена советская власть. Чтобы сохранить мир в этом крае и предотвратить новое напа- дение Японии, советское правительство приняло решение о создании буферного государства. Об этом было объявлено на состоявшемся 6 апреля 1920 года съезде трудящихся Прибайка- лья. В принятой на съезде декларации указывалось, что дальневосточные области – Забайкаль- ская, Амурская, Приморская, Сахалинская, Камчатская и полоса отчуждения КВЖД отныне объявляются независимой демократической республикой ДВР. Было выбрано Временное пра- вительство, перед которым встала задача объединить в единое государство все области Даль- невосточного края, добиться вывода японских войск с этих территорий и ликвидировать внут- реннюю контрреволюцию. 5-й армии, покончившей с Колчаком в Сибири, пришлось на время отказаться от наступательных операций и расположиться гарнизонами вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали.

В те дни сложилась, выражаясь шахматным языком, патовая ситуация. Начались перего- воры между командующими силовых группировок, которые привели к образованию нейтраль- ной зоны, этакой разграничительной линии между войсками Народно-революционной армии и армии интервентов. По обоюдному согласию, ни войска НРА, ни войска японцев не должны

были находиться в этой зоне. Для охраны же внутреннего порядка был организован отдельный батальон народной милиции ДВР с подчинением уездной земской управе. В силу обособленности нейтральной зоны ни о каком революционном порядке на ее территории нечего было и говорить. Там процветал уголовный и политический бандитизм, проституция, контрабанда. Иман, этот небольшой городок с населением в два десятка тысяч человек, стоял у границы и являлся притоном всякого рода спекулянтов, аферистов, бандитов и контрабандистов. В центре его располагалась некая организация, именовавшая себя китайским консульством, охраняемым вооруженными до зубов маузеристами из числа промышлявших на территории России и Китая разбоем и убийствами хунхузов, а также местных бандитских кланов. Все знали, что эта контора возникла самостийно, без всякого согласования с местной управой и органами власти недавно образованной буферной республики – ДВР – и фактически являлась «крышей» для контрабандистов и других уголовных элементов.

В мае 1921 года в это пекло и был брошен в качестве заместителя начальника военно-контрольного пункта Госполитохраны ДВР бывший командир красного эскадрона Болохов. Отправляясь к месту своего назначения, Александр уже знал, что после ухода интервентов из нейтрального района там, в Имане, осталась хорошо законспирированная японская агентура, работавшая с дальним прицелом. Кроме того, там действовала банда некоего Бочкарева, которая, по слухам, принимала непосредственное участие в убийстве в станционном поселке Муравьев-Амурский руководителей приморского подполья Лазо, Симбирцева и Луцкого. Сотрудникам военно-контрольного пункта нужно было найти и ликвидировать эти осиные гнезда. Задача невероятно сложная, учитывая скромные силы отряда, однако военным контролерам была обещана всяческая поддержка. Так, Болохову во время инструктажа в Хабаровском управлении Госполитохраны было сказано: в случае каких-либо затруднений они всегда могут обратиться за помощью и советом к некоему Якову Арнольдовичу Пизняку, неофициальному представителю Далькрайкома партии в нейтральной зоне.

По приезде в Иман Болохов, как говорится, попал с корабля на бал. Не успел он появиться в расположении военно-контрольного пункта, как поступило сообщение, что многочисленная банда хунхузов перешла границу и грабит местное население. Александр, не долго думая, отыскал себе коня и вместе со всем отрядом поскакал к границе. Неожданное появление военных контролеров внесло панику в ряды бандитов, поэтому бой был недолгим. Потеряв двоих своих товарищей, они бежали в Маньчжурию. Среди бойцов потерь не было, если не считать одного легкораненого. Тут же жителям подвергшейся нападению деревни, что стояла на самом берегу Уссури, было возвращено десять лошадей, отбитых у бандитов, о чем командир отряда Проценко и доложит в своем донесении на имя начальника Хабаровского управления Госполитохраны товарища Сократа.

Первое, что сделал тогда Болохов, он уговорил своего командира очистить пункт от случайных людей, которые, примазавшись к советской власти, занимались черт знает чем. Несколько сотрудников пришлось выгнать за пьянство и нарушение воинской дисциплины, заменив их надежными бойцами из батальона милиции. Затем они закрыли незаконное китайское консульство и, разоружив его сотрудников и охранников, выдворили их за кордон. Изъятые у «консульства» немецкие маузеры передали милиционерам, а двухэтажное здание его перешло к уездной земской управе.

Теперь нужно было заняться поиском японской агентуры. Однако с чего начать, за что уцепиться, они не знали. Поразмыслив, решили прежде всего обратить внимание на контору таможенного поста станции Муравьев-Амурский. Там служили пятнадцать чиновников, связанных по своей работе с заграницей, причем личный состав поста не менялся со времен колчаковской администрации. И они не ошиблись: информация разведывательного характера выходила именно отсюда. Одно из таких донесений, перепечатанное на конторском «ундервуде»,

даже попало в руки военных контролеров. Но кто из чиновников являлся агентом, определить было пока трудно.

Чтобы найти подлеца, решили действовать методом исключения и наконец остановились всего на нескольких сотрудниках. Машинистка поста, пожилая дама, бывшая ранее учительницей, проговорила, что кроме нее в их конторе печатной машинкой пользуется еще управляющий, остальным же она вроде как без надобности.

Круг подозреваемых сузился настолько, что и ежу, как говорится, стало понятно, кто работает на японцев. Начали следить за управляющим.

По словам одного из таможенников, который согласился сотрудничать с контролерами, то был желчный и себялюбивый человек, люто ненавидевший большевиков. Такой, безусловно, мог пойти на предательство.

Вскоре подозрение, что управляющий является японским агентом, подтвердилось: его взяли с поличным, когда он ночью в своем служебном кабинете печатал на «ундервуде» очередную свою депешу японцам. На допросе тот, дабы смягчить свою участь, сознался, что является резидентом японской разведки, причем связь со своим начальством он поддерживает через китайскую территорию, в чем ему помогают контрабандисты, которым он делает таможенные послабления. Вслед за управляющим были арестованы несколько выданных им с перепуга агентов. При обыске их квартир выяснилось кое-что интересное. Оказывается, эти люди настолько были уверены в своей безнаказанности, настолько вольготно чувствовали себя в шкуре шпионов, что потеряли всякую бдительность, потому даже не потрудились избавиться от многих вещдоков. Тот же резидент в нарушение всех инструкций хранил дома отпечатанный на злополучной машинке доклад о положении дел в нейтральной зоне.

Теперь Болохов с улыбкой вспоминал то время. Ведь у него и его товарищей из органов Политохраны совершенно не было никакого опыта в следственной работе. Действовали, как говорится, по наитию, если учесть, что тогда еще не были введены ни Уголовный, ни Уголовно-процессуальный кодексы. Однажды им дали познакомиться с одним законченным следственным делом, выполненным, насколько это было в то время и в тех условиях возможно, профессионально. Его-то и приняли за образец оформления соответствующих следственных действий по рассматриваемым делам. Первое заключение, которое Александр написал, заканчивалось примерно так: «Руководствуясь революционной совестью и правосознанием, полагал бы применить к имяреку высшую меру наказания: расстрел».

После Имана был Владивосток. В то время, когда вся страна уже потихоньку начинала приходить в себя после разрушительной войны, Александр и его товарищи в далеком Приморье продолжали бороться за советскую власть. Здесь был последний очаг контрреволюции, пригретой японскими интервентами, и его нужно было во что бы то ни стало уничтожить. ЧК покуда в Приморье не было, и его функции выполняла Госполитохрана, находившаяся на полулегальном положении, так как официально такого учреждения не существовало: оно не было определено русско-японской согласительной комиссией, поэтому любой японский жандарм мог разоружить сотрудника ГПО. Оружие с установленным количеством патронов имели право носить лишь сотрудники небольшого по численности отряда милиции да еще бойцы дивизиона народной охраны.

Утром 26 мая 1921 года японцы, нарушив нейтралитет, взяли власть во Владивостоке в свои руки. Сотрудникам ГПО пришлось уйти в сопки и влиться в ряды дальневосточных партизан, чтобы через два года вместе с Народно-революционной армией вернуться в город победителями.

Он хорошо помнит, что собой представлял отбитый тогда у врага Владивосток. Конец октября. С утра с моря подул холодный ветер, и небо заволкли тучи. Весь день этот сквознячок гулял по улицам, гоняя из угла в угол россыпи опавшей листвы. До зимы было еще далеко, но в воздухе уже нет-нет да возникала эта морозная свежесть, спускавшаяся с близких таежных

сопок. Часто в эти дни лили дожди, и было промозгло и неудобно. В такую пору хорошо сидеть дома у натопленной печи, а тут на улицах столько народу!.. Будто бы праздник какой. Впрочем, для кого-то это и был праздник, особо для тех, кто криками «Ура!» встречал Народно-революционную армию, которая нестройными рядами батальонов, грохоча сапогами, сурово входила на покрытые вязкой осенней грязью приморские улицы.

Для других же это был день крушения всех их надежд. Белые сушей и морем под прикрытием японцев уходили в Корею, в Шанхай и Маньчжурию. С собой они увозили все, что могли; бывало, что угоняли и суда.

А вот интервенты, несмотря на то, что Гражданская война закончилась, не спешили убраться домой. В бухте Золотой Рог стояли два японских крейсера «Ниссин» и «Косуга» да еще транспорт с морской пехотой. И если «Косуга» и транспорт вскоре ушли, то крейсер «Ниссин» так и остался стоять до апреля 1923 года под предлогом охраны подданных Японии.

То был поистине новый Вавилон. В городе оставалось еще много белогвардейцев, которые не успели уйти за кордон. Сюда же хлынули толпы беженцев со всей России в надежде под прикрытием японцев покинуть страну. Среди них крупные буржуа, чиновный люд, но больше всего было перепуганных обывателей. Эти люди денно и нощно рыскали по городу в надежде, что кто-то поможет им бежать из этой страшной страны. Кому везло, те грузили свои пожитки на иностранные морские транспорты, которые и увозили их потом в никуда.

Владивосток по-прежнему оставался портом международного класса, и в бухту Золотой Рог даже в это смутное время продолжали заходить иностранные суда. На Светланской, центральной улице города, можно было встретить и американцев, и французов, и британцев с малайцами... То была матросня, всевозможные дельцы черного рынка, бизнесмены, авантюристы-международники... Граница с соседним Китаем охранялась еще плохо, и во Владивосток шел непрерывный поток контрабандного товара, где наряду с обычными шмотками и продовольствием был и кокаин, и опий, и сигареты, начиненные наркотиками. В ресторанах круглосуточно гремела музыка, где в основном гуляли иностранцы да эппманы, нахлынувшие вслед за Красной армией из центральных областей России. По ночам за окнами то и дело вспыхивали перестрелки. Это орудовали бандиты, пытавшиеся установить здесь свои порядки.

В целом город, переживший многое за период интервенции, еще сохранял покуда весь свой капиталистический уклад с частной торговлей и частными промышленными предприятиями, кабаками и домами терпимости. За советские деньги нельзя было ничего купить, в ходу были по-прежнему американские доллары, японские иены и старый царский золотой с серебряными рублями. Надеясь, что скоро все изменится, не торопились покидать город и сотрудники иностранных торговых и иных представительств, многие из которых усиленно занимались разведывательной работой. За годы интервенции разведки многих стран успели пустить здесь свои корни, наладив широкую агентурную сеть, и теперь им был известен каждый шаг, предпринятый большевиками. Враги революции, притаившись, следили за развитием событий в Дальневосточной республике и ждали только удобного случая, чтобы снова перейти ее рубежи. На борьбу с иностранной разведкой были брошены бойцы Госполитохраны, на помощь которым вскоре прибыл целый вагон с оперативными работниками особого отдела 5-й армии и представители центрального аппарата ГПУ. Болохов был прикомандирован к этому сводному отряду, которому предстояло навести революционный порядок в городе.

Начали с того, что через коменданта Владивостока предложили всем, кто имеет оружие, сдать его немедленно, а бывшим офицерам явиться на регистрацию в комендатуру. Работали без отдыха чуть ли не круглыми сутками, выявляя скрывающихся колчаковских контрразведчиков и прочих белых деятелей. Заодно не оставляли без внимания и деятельность иностранных разведок, потихоньку уничтожая их агентурную сеть. Болохов помнит, как им с товарищами удалось добыть весьма ценные материалы, которые уличали японских дипломатов в их

разведывательной деятельности против Советов. В результате многие из них были высланы из Приморья на родину.

В это время из якутской тайги вышел в район Охотска с остатками разбитой армии генерал Пепеляев. Он занял Охотск и Аян и стал поджидать американские суда, чтобы уйти в Соединенные Штаты. Во Владивостоке в срочном порядке была создана экспедиция, которая должна была выдвинуться в район расположения белых и уничтожить их. Болохов вызвался участвовать в этом исключительно сложном деле. На старых пароходах «Эривань» и «Инди-гика» экспедиция вышла в море, имея у себя на борту рыбацьи кунгасы для высадки на берег. Небогато, но других средств не имелось.

В густом тумане подошли они к берегу. Все произошло так быстро, что не ожидавшие такого поворота события пепеляевцы, почти не сопротивляясь, вместе со своим генералом сдались в плен. 30 июня 1923 года отряд возвратился во Владивосток, где им была организована торжественная встреча, в которой участвовал, казалось, весь город.

Но это был не последний для Болохова рейд. Не успели они справиться с внутренней контрреволюцией, как затревожилась дальневосточная граница, загудела, запылала. То начали совершать свои половецкие набеги банды чучок отдышавшихся после войны бывших белогвардейцев, которые с остатками своей армии обосновались в соседней Маньчжурии. Они грабили приграничные селения, жгли избы, убивали людей, уводили за кордон скот. С ними приходилось бороться их же методами. Их также беспощадно убивали, более того, особые отряды чекистов переходили границу и делали рейды в глубь чужой территории, уничтожая вражеские гнезда. Эта борьба настолько ожесточила Болохова, настолько изменила его характер, что он, не на шутку испугавшись этих перемен, однажды решил написать рапорт об увольнении из органов. И, наверное, написал бы, но тут ему объявили, что его, как опытного чекиста, переводят в распоряжение центрального аппарата ОГПУ. Однако перед тем как оставить Дальний Восток, он еще несколько месяцев будет трястись в седле, совершая рейды вдоль границы бывшей Дальневосточной республики, которая в ноябре 1922 года вошла в состав РСФСР и где стали действовать суровые законы этой страны.

2

Многое бы сейчас отдал Болохов за то, чтобы вновь оказаться на соленых приморских ветрах, где прошла его боевая юность. Что там? Как там? Оправились ли люди после всех потрясений, выпавших на их долю? Скорее всего, да – ведь столько лет прошло.

Но, видно, не судьба... На этот раз Владивостока ему не видеть, как своих собственных ушей. Его путь лежит на Амур. Там, на станции Александровской, он сойдет с поезда и будет искать попутку. Коли не найдет, сядет на пригородный, который и доставит его в Благовещенск, где его, наверное, уже ждут. Да что там, начальник местного управления ОГПУ, поди, часы уже считает до его приезда. Центр, не посвящая его в суть операции по причине ее полной секретности, приказал тому лишь обеспечить гостю безопасный переход границы. Не знает он и о том, что главным действующим лицом этой операции является бывший студент Санкт-Петербургской Императорской академии художеств Александр Петрович Болохов, который еще мальчишкой примкнул к революционному движению, прошел Гражданскую, после чего решил до полной победы мировой революции не брать в руки кисти, а сражаться за трудовой класс. Так он и оказался в органах ВЧК, которые в 1923 году были переименованы в ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР, цель которого, в общем-то, была прежней – борьба с контрреволюцией и охрана государственной безопасности.

Работа у Александра была в большей степени специфическая. И если большинство его товарищей занимались выявлением врагов советской власти, то он был карающим мечом рево-

люции. Так его и его коллег из спецподразделения, занимавшегося ликвидацией «нежелательных элементов» на территории других государств, назвал первый советский чекист Феликс Эдмундович Дзержинский.

Александр хорошо помнит ту первую с ним встречу, когда патрон собрал их, только что сформированную команду, и провел такую жесткую наставительную беседу.

– Вы – не суд, не следственный орган, – говорил им чахоточного вида человек с холодными глазами и бородкой, похожей на ту, что была у сервантесовского хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского. – Вы – исполнители наказания, вроде как карающий меч революции. Поэтому у вас не должно быть никаких сомнений, никакой жалости, никаких слез, как это бывает у институтков. Приказано выполнить – значит, надо выполнять. При этом для вас нет слова «не могу» или «не хочу»... И другое – данное вам задание предполагает стопроцентное его выполнение. Здесь мы даже не будем учитывать никакие форс-мажорные обстоятельства. Полная нацеленность на победу – вот ваш девиз.

Они тогда его слушали, затаив дыхание. Перед ними был человек-легенда, ближайший соратник самого Ленина, который в то время доживал последние дни в своем подмосковном уединении – Горках. С этим напутствием председателя ОГПУ они и вышли из его просторного кабинета, обставленного аскетически просто, но функционально выверенно. Огромный дубовый письменный стол с кожаным креслом, к которому встык был придвинут другой, длинный и с множеством стульев, где обычно размещались приглашенные на разговор сотрудники ведомства. Вот и вся меблировка, если не считать еще небольшого книжного шкафа в дальнем левом углу и тяжелых плюшевых штор на окнах. А так – больше ничего, даже стены в кабинете были голыми.

А потом была учеба в спецшколе, где молодая чекистская поросль осваивала азы своей будущей специфической работы. Болохов считал, что ему повезло, потому как это было его давней мечтой – побывать за границей, а тут, как им сказали, вся их деятельность будет связана именно с зарубежными командировками. Но было нечто и другое. В отличие от оперативных работников и следователей, населявших мрачное здание на Лубянской площади, Александру и его товарищам, как они поняли, не придется заниматься революционным террором в своем родном отечестве. Одно дело – проливать кровь на знакомых улицах, другое – орошать ею кварталы далеких и чужих им городов. Так ты меньше потом мучаешься угрызениями совести, оплакивая свою очередную жертву.

Он хорошо помнит свое первое задание. Тогда им, троим молодым сотрудникам спецподразделения ОГПУ, было приказано убрать двух бывших белых офицеров, руководителей антисоветского подполья, которые, сбежав из Лефортовской тюрьмы, перешли эстонскую границу и, по данным советской агентуры, обосновались в городе Нарве. Бедные, застигнутые среди ночи врасплох в своей съемной квартире, что располагалась на втором этаже старого особняка, построенного, поди, еще при крестоносцах, те даже не пытались сопротивляться. Их вытащили прямо из постели и даже одеться не позволили. И вот они стояли посреди комнаты в нижнем белье и от бессилия и ярости широко раздували ноздри. Поняв, что им пришел конец, просить о пощаде не стали и приняли смерть достойно. Александр помнит, что тогда сказал перед тем, как получить пулю в лоб, один из офицеров, крепкий, далеко не старый человек с хорошим русским лицом, который был на голову ниже своего товарища.

– Помнишь, Андрюха, что нам говорил фельдфебель в кадетском корпусе? – саркастически улыбнувшись, произнес он. – Враг внутренний есть студент! Так вот это и есть те недобитые студентики, которые вместе с жидами совершили эту поганую революцию... Ну что, очкарики, давайте, убивайте своих братьев по крови. Э-эх, вы, дураки! Вам повесили эти большевики лапшу на уши – вы и рады стараться... Впрочем, скоро вы опомнитесь, но будет уже поздно. Так что до конца дней своих будете молить Господа, чтобы он отпустил вам ваши грехи...

Больше офицер не успел ничего сказать, потому как карающая рука революции остановила его сердце. Голос подал второй, который не упал после первого выстрела и, зажав рану на груди, продолжал тяжелым и ненавидящим взглядом смотреть на своих убийц.

– Идиоты! В лоб надо стрелять, в лоб!.. А то убивать не научились, а туда же...

«Видно, мы выглядели слишком жалкими, потому эти офицеры и смотрели на нас, как на дураков, позже переживая первую свою драму», – рассуждал Болохов. Хотя разве можно было лично его назвать новичком в этом деле, если учесть, что он почти пять лет перед тем только и делал, что убивал людей? Правда, то было на фронте, где убийство не считалось убийством – только битвой с врагом. Расстреливать ему не приходилось, ну а те, кому это делать довелось, рассказывали, что ощущения тут совершенно другие. Одно дело – уничтожить врага в бою, другое – стрелять в него безоружного, при этом нередко глядя ему в глаза. Потому-то часто и просили палачи приговоренных, чтобы те повернулись к ним спиной. Так легче, так не видишь, какую душевную боль испытывает человек перед смертью...

Но Болохов быстро вжился в новую роль, и если раньше, несмотря на то, что он считал свою профессию чрезвычайно нужной в данный момент истории, все же испытывал к ней некоторое отвращение, то теперь все это вошло в привычку. Он выискивал жертву, внедряясь во всевозможные антисоветские организации, а потом втихаря убирал ее. Втереться в доверие у него получалось довольно легко, потому как он обладал артистическим даром. А кроме того, он еще был прирожденным психологом, который умел расположить к себе людей.

Новое дело не могло не отложить на нем свой отпечаток, поэтому уже скоро из молодого студентика, которого в нем увидел тот ликвидированный им в Нарве офицер, он превратился в такого заматеревшего циничного человека, которому мир стал казаться сплошным средоточием врагов, коих он должен был уничтожать.

Правда, после смерти «железного Феликса» – так они называли первого председателя ОГПУ – в их ведомстве пошли слухи, что в связи с качественными переменами в обществе закончится и эра тайных убийств, но этого не произошло. Напротив, политические убийства, а именно этим и занималась команда, в которую входил Болохов, приобрели большой размах. И теперь не только Европа – весь мир жил в атмосфере страха, опасаясь «руки Москвы». Ибо эта рука могла достать тебя всюду, будь ты даже на другом краю земли. Волны странных убийств, заказчики которых хорошо были известны, следовали одна за другой. «Летучие» группы чекистов появлялись внезапно и также внезапно исчезали. От пуль профессиональных убийц гибли члены воинских антибольшевистских союзов, гибли финансирующие их деятели банкиры, поддерживавшие их морально зарубежные политики, короче, все, кто так или иначе, наносил вред молодому большевистскому государству. Дошло до того, что убивать стали даже тех, кто просто поносил вслух СССР. В большей степени это касалось бывших граждан Советского Союза, сбежавших за границу, которые были лакомой добычей для газетчиков, вытягивавших из них всю правду о жизни в стране большевиков.

«Ай, Моська, знать, она сильна, коль лает на слона...», – поначалу так снисходительно относились к подобным людям на Лубянке. Однако когда этих беглецов недруги Советского Союза стали использовать в своих политических целях, когда аргументом на международных конференциях и переговорах часто становились заявления неких эмигрантов, обвинявших советское правительство в том, что оно якобы является вдохновителем политических репрессий в своей стране, тут уж чекистам пришлось прикусить языки. Ведь что получалось... Партия и советское правительство сил своих не жалели, чтобы поднять престиж родной страны, для этого даже пропагандистскую машину включили на полную катушку, а какие-то отщепенцы тут же сводили на нет весь их огромный труд. Это зло нужно было вырывать с корнем, и вот уже специально подготовленные люди под видом коммерсантов, туристов, артистов, живописцев разбредаются по всему миру и начинают выискивать тех, кто клеветает на родную страну. После чего в местных газетах стали появляться сообщения о странных убийствах, имевших

место в том или ином уголке земного шара. При этом, как правило, находили убитыми тех, кто имел какое-то отношение к России.

Спецподразделение центрального аппарата ОГПУ, занимавшееся политическими убийствами, не успевало в те дни выполнять спущенные сверху приказы. Пришлось увеличить штат сотрудников, кроме того, к делу были подключены зарубежные резидентуры с их многочисленными агентами, в обязанность которых теперь входило не только заниматься шпионажем и диверсиями, но и приведением в исполнение революционных приговоров. Однако все же самые громкие дела поручали выполнять штатным ликвидаторам, таким, как старший оперуполномоченный ОГПУ Болохов.

На этот раз задание было более чем сложным. Нужно было внедриться в харбинскую организацию «Русского общевойска союза» и попытаться ликвидировать ее верхушку.

РОВС (так сокращенно эту организацию называли в эмигрантских кругах), чьи отделы были разбросаны по всему миру, был детищем бывшего главкома Русской армии барона Врангеля, который после сдачи белыми Крыма вынужден был бежать за границу. Однако он не смирился с поражением. Обосновавшись в Париже, он взялся объединить все военные и военно-морские белоэмигрантские организации, чтобы, заручившись поддержкой руководителей западных государств, выступить единым фронтом против большевистской России.

«Русский общенациональный союз» был создан в 1924 году, а уже скоро об этой организации, штаб-квартира которой находилась в Париже, заговорили все газеты мира. Причиной того была серия политических убийств ответственных советских работников, выезжавших за границу по своим делам. Среди них были дипломаты, сотрудники торгпредства, деятели культуры, а также дипкурьеры, директора и специалисты заводов и фабрик, отправившиеся набираться чужого опыта.

Дело приобретало серьезный оборот. Ведь вслед за этими терактами последовали другие, но уже на территории СССР. Боевики РОВСа, проникая на советскую территорию, терроризировали и запугивали население. Они убивали большевистских активистов, совершали диверсии на промышленных предприятиях, железной дороге, в речных и морских портах.

Нужно было каким-то образом нейтрализовать деятельность белоэмигрантской террористической организации, которая все громче и громче заявляла о себе. Но для этого нужно было обезглавить ее. С этой целью в центральном аппарате ОГПУ была разработана секретная операция по внедрению в РОВС своего человека. Операция прошла успешно. В 1928 году Петр Николаевич Врангель, будучи сорока девяти лет от роду, неожиданно умирает от туберкулеза, хотя туберкулезом он никогда не болел. Среди чекистов тогда ходили разговоры, что Врангеля убил его личный денщик, подмешав к его еде туберкулин – туберкулезную микобактерию.

После смерти Врангеля председательское кресло в РОВСе занял один из видных деятелей белого движения бывший генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов, который в ответ на убийство своего предводителя (а то, что это было убийство, в Париже никто не сомневался) объявил всем советским тотальный террор. С его приходом активизировались боевые группы организации – и кровь полилась с новой силой. В свою очередь, Москва начинает тайную войну против Кутепова. Возглавить операцию по нейтрализации генерала было поручено Якову Серебрянскому, руководителю спецподразделения, в котором служил старший оперуполномоченный Болохов. То был опытный чекист, прошедший, как говорится, огонь, воду и медные трубы. Под его непосредственным руководством были успешно проведены десятки, если не сотни тайных операций за рубежом. При этом он не любил отсиживаться в своем кабинете – чаще всего сам принимал участие в деле. Вот и сейчас он взялся лично организовать похищение нового лидера РОВСа.

Одновременно с парижской операцией было решено провести широкую акцию по уничтожению лидеров разбросанных по всему свету отделений «Русского общевойска союза», наиболее активным из которых считалось харбинское. На счету боевиков этой организации уже

значился целый ряд заказных убийств советских чиновников, диверсии на железной дороге, нападения на приграничные советские населенные пункты, шпионаж в пользу иностранных государств и еще многое-многое другое.

Для выполнения этого задания было решено послать в Харбин «летучую» группу из числа сотрудников ОГПУ, обеспечив их надежными легендами и столь же надежным прикрытием. А чтобы операция прошла без сучка без задоринки, к участию в ней привлекли людей из разных регионов страны, которые не были друг с другом знакомы. Это на тот случай, если вдруг кто-то из них провалится, – тогда они и под пытками не смогут назвать своих сообщников. Все было обставлено настолько секретно, что тот, кто отправлялся на задание, не имел права рассказать о нем ни своим родственникам, ни коллегам. Мол, поехал в командировку, скоро не ждите – и все. А куда, зачем – это не вашего, мол, ума дело...

О своем задании Болохов узнал от самого Менжинского. У того была привычка: перед тем, как отправлять людей в командировку, лично беседовать с ними. При этом для него главным было то, чтобы сотрудники уходили на задание с идеей в голове, а не с мыслью о том, как бы поскорее вернуться назад. Так, мол, вернее.

При жизни «железного Феликса» Вячеслав Рудольфович был его заместителем, а когда тот умер, занял его место председателя ОГПУ. О революционных заслугах этого старого большевика в политуправлении знали все. Вот и Болохов, которого неожиданно вызвали в кабинет шефа, шел и вспоминал все, что он о нем знал. Тускло горели электрические лампочки над головой, и в этом щемящем полумраке звук шагов старшего оперуполномоченного казался эхом далеких исторических времен, проникшим вдруг в длинные глухие коридоры этого громоздкого и угрюмого здания.

Менжинский... Вячеслав Рудольфович... Кстати, кто он по национальности? – задается вопросом Александр. – Поляк, как и его бывший начальник? А может, еврей?.. Впрочем, это не имеет никакого значения, если учесть, что мы строим многонациональное государство, где скоро будет одна только общность – советские люди. Об этом мечтал наш покойный вождь, этому делу служит сегодня и наша партия, в том числе и член ее Центрального комитета товарищ Менжинский.

...Все тот же плывущий долгим эхом звук шагов, все те же мрачные стены и чуть живые лампочки над головой.

Болохова вдруг охватило волнение. Поначалу, когда ему передали приказ явиться к председателю, он счел это обычным делом – разве мало людей проходит через кабинет начальника за весь день? – а тут вдруг запаниковал. И зачем это он вдруг понадобился самому? Может, новую должность хотят предложить? Так он не против! Надоело уже рыскать по белу свету, пора остановиться... Стабильности какой-то хочется... Скоро ему исполнится тридцать лет, а он еще даже не женат. Потому что некогда – все силы свои отдает работе. Может, хватит? Пусть те, кто помоложе, покрутятся. А он даже в глубинку готов отправиться, лишь бы только его не дергали. Есть ведь губернские, уездные, транспортные, армейские отделы ОГПУ – почему бы не отправить его в один из них? Впрочем, больше всего ему бы сейчас хотелось вернуться в академию художеств. Он многое сделал для революции – неужели она не отпустит его? Неужели не позволит заняться любимым делом?.. Нет, все! Вот только попадет к Менжинскому – тут же и потребует отставки.

Подумав так, он поежился. Неужто он боится шефа? Скорее всего, Болохов дрогнул по привычке. Это они Дзержинского боялись, потому как тот и впрямь был железным человеком, а Вячеслав Рудольфович мягче. Впрочем, может, это только так кажется? Говорят же: мягко стелет, да жестко спат. Хотя знающие люди утверждали, что мужик он мировой. А так и должно быть. Ведь в революцию плохие люди не приходят. А за плечами этого бывшего юриста целых две революции, где он играл не последнюю скрипку.

Менжинский встретил Болохова радушно. Поднялся из-за стола и пошел ковровой дорожкой ему навстречу. Поравнявшись, крепко пожал ему руку, и Александр, не отрывавший от него взгляда, невольно отметил про себя, что тот где-то на полголовы ниже его. Это немало удивило его, ведь издали шеф всегда казался ему человеком достаточно высоким. Поздоровавшись, Менжинский сделал шаг назад и оглядел вошедшего. Так он поступал всякий раз, когда встречался с новым человеком, пытаясь понять, с кем имеет дело. Болохов, который впервые попал в поле его зрения, явно пришелся ему по душе. В его глазах не было того собачьего бешеного блеска, которое было характерно для многих страдавших чрезмерным рвением сотрудников их ведомства, в них жила мысль и этакая чуть заметная холодность, которая обычно присуща людям уравновешенным и умным. Вот только внешний вид этого молодого человека его не устроил.

– Что это вы, батенька, такой худой да бледный? Или вам нездоровится? А может, плохо питаетесь? Нет, так дело не пойдет, – решительно заявил он. – Сегодня же пойдете в нашу санчасть и пройдете медицинское обследование... Ну и эта, с позволения сказать, униформа... – Менжинский с явным неудовольствием глядит на его застиранную красноармейскую гимнастерку. – Уж не с военных ли пор она на вас?.. Сегодня же дам распоряжение, чтобы вас переодели. Впрочем, форма вам теперь долго не понадобится... – неожиданно делает он заявление. – Да вы садитесь – в ногах правды нет... – Он указывает на стул рядом со своим могучим дубовым столом, а сам садится в свое старое глубокое кожаное кресло, в котором до этого сидел Дзержинский, а до него, видно, какой-нибудь действительный статский советник, а то и член Синода. – Курите? – спрашивает он Александра. Тот замотал головой. – Вот и хорошо, я тоже не курю... Врачи запрещают, – пояснил он.

Болохов впервые видел так близко своего шефа. Он чем-то был похож на своего предшественника, только поросль на бороде у него была, пожалуй, погуще, чем у того, и лицо не такое худое и рельефное и оттого менее запоминающееся.

– Прежде чем объявить вам, зачем я вас вызвал к себе, мне бы хотелось задать вам несколько вопросов... Я познакомился с вашей биографией, – внимательно посмотрев на Александра, произнес Менжинский. – Очень похвально, что вы еще студентом вступили на революционный путь. Вы же питерский, так? И, кажется, учились в академии художеств? – Это был, скорее всего, риторический вопрос, если брать во внимание то, что, как признался сам Менжинский, он был знаком с биографией своего подчиненного. – Сколько вам тогда было? – А это уже был прямой вопрос.

– Мне было семнадцать, когда я впервые взялся расклеивать по городу революционные прокламации.

Менжинский улыбнулся.

– У нас схожие судьбы, – сказал он. – Я тоже еще студентом стал помогать революционному подполью. Только мы из разных поколений. Когда вы родились, мне уже было двадцать пять... Если я не ошибаюсь, вы появились на свет в канун нового столетия?

Это снова было похоже на риторику.

– Знаете что, голубчик, я очень рад, что у нас, старой гвардии, есть такие преданные делу революции последователи, – одарив Александра отцовской улыбкой, проговорил Менжинский. – Значит, свое дело мы передадим в хорошие руки... Вы ведь надежда наша... Кстати, все это мы делали не для кого-нибудь, а для вас, будущих поколений, – произнес он, сделав акцент на слове «это» и имея в виду конечно же революцию. – Надеюсь, мы не ошиблись в вас. – Он немного помолчал, теребя в руках платок, которым перед тем промокнул свой вспотевший лоб. Говорили, Менжинский очень болен, и пот этот был признаком его ослабевшего не вдруг организма. Сделав небольшую паузу, он снова заговорил. – Как я понимаю, вы сын того самого Петра Болохова, который был одним из руководителей петербургского «Союза борьбы», так?

Александр насторожился. Почему Менжинский его об этом спрашивает? Ведь он в своей автобиографии все изложил как есть – ничего не утаил. Даже то, что его мать родом из дворян, а покойный отец – сын полкового священника. Но неужто председатель захочет поставить это ему в вину? Скорее всего, нет – он-то ведь сам, насколько известно, не пролетарского происхождения... Однако вот интересуется...

– Да... Петр Болохов – это мой отец... – не будучи уверенным в том, что его ответ понравится начальнику, несколько сдержанно произнес Болохов. А все потому, что в стране на глазах происходила трансформация мышления, в результате чего прежние благодеяния часто стали называть преступлениями. Вот ведь обвинили бывших соратников Ленина в измене революции, а почему тот же «Союз борьбы» не может быть предан политической анафеме? Однако Менжинский и не думал останавливаться на социальном происхождении его родителей.

– В своей автобиографии вы пишете о том, что ваш батюшка был участником петербургской промышленной войны 1896 года... – продолжал пытаться он Александра. Получив утвердительный кивок, он улыбнулся. – Видно, революции у вас, Болоховых, в крови...

Александр пожал плечами. Мол, видимо, так.

– После подавления той стачки текстильщиков моего отца арестовали и посадили в Петропавловскую крепость, – проговорил он.

– И чем же ваш батюшка сейчас занимается? – поинтересовался председатель.

– Он погиб во время кронштадтского восстания 1905 года... Я об этом написал в своей анкете.

– Вот как?... – сделал удивленное лицо Межинский. – Видно, я запомнил... И что, вы решили отомстить за него? – хитро прищурив один глаз, спросил он Александра.

Тот нахмурил брови.

– Нет, революция была моим личным выбором! – жестко произнес он.

– Это хорошо... – удовлетворен его ответом хозяин кабинета. – Получается, ваш отец погиб, а дело его живет, – проговорил он. – Не понимаете?... А разве вам не известно, что Владимир Ильич сказал относительно стачки, в которой участвовал ваш батюшка? С нее, сказал он, и началось непрерывное рабочее движение... Которое, добавлю к его словам, закончилось, как вы знаете, социалистической революцией.

Болохов даже весь зарделся, услышав такое. То были не просто чьи-то мимолетные слова – это была историческая оценка, данная вождем тем, кто начинал борьбу за освобождение рабочего класса, в том числе и его отцу, участнику тех далеких уже событий. Выходит, не зря он жил на этом свете, коль его дела отмечены высоким знаком внимания.

– А знаете, Александр Петрович, для чего я вас вызвал? – неожиданно спросил председатель. Он попытался вдруг встать и пройти по кабинету, чтобы чуток размять затекшие от долгого сидения в кресле ноги, но потом передумал. Скорее всего, для этого у него уже не было сил.

Болохов даже весь подобрался в ожидании приговора. Вот сейчас, сейчас Менжинский скажет, что партия в лице руководства аппарата ОГПУ решила послать его на новый участок работы, что она верит в него и надеется, что он и там будет так же с честью служить делу революции. Но как же Александр ошибался, думая, что речь пойдет о новом назначении!

– Вам предстоит отправиться на Дальний Восток, – сказал председатель. – Там становится слишком уж жарко... Как вы знаете, провал интервенции не остановил наших врагов. Те же японские правящие круги до сих пор не отводят своих алчных взглядов от российских земель. Свидетельство тому – «Официальная история войны в Великой Восточной Азии» – много томный труд, созданный военно-исторической секцией научно-исследовательского института Управления национальной обороны Японии. Там ясно все сказано, что хотят японцы. Ну а курс на подготовку к войне против СССР был определен ими еще в 1923 году на совещании военно-политического руководства страны с участием императора Хирохито. То есть спус-

стя лишь год после эвакуации японских войск с территории российского Приморья. В том же году был составлен план войны против Советского Союза. Здесь важно понять, что самым надежным и наиболее удобным плацдармом для такой войны может быть только Маньчжурия, на которую господа самураи, по нашим данным, тоже положили глаз... – Он умолк, давая Болохову возможность переварить информацию. Пауза длилась недолго, после чего председатель снова заговорил. – Естественно, белая эмиграция тут же поднимет голову, как только японцы развяжут войну. Знаете, сколько бывших белогвардейцев осело после Гражданской на маньчжурской стороне? Десятки... да что там – сотни тысяч человек. Считай, половина всей эмиграции... А это огромная сила. И ее наши зарубежные недруги хотят использовать в своих целях. Впрочем, уже используют. Из числа этих людей иностранные разведки вербуют шпионов и диверсантов, а порой даже формируют целые вооруженные отряды, которые нападают на наши населенные пункты, жгут дома, убивают людей, уводят за границу скот. В этой связи нами... то есть нашим правительством, – уточняет он, – было решено принять срочные контрмеры. Наша главная задача сейчас – это завладеть инициативой. Для этого мы должны перейти от обороны в наступление. Теперь контрразведывательная работа будет осуществляться нами параллельно с созданием на сопредельной территории надежной оперативной позиции. Нам важно поставить под свой контроль процессы, происходящие в различных слоях российской эмиграции, организовать активное выявление их подрывных центров, чтобы в конечном итоге начать их физическое уничтожение... Надеюсь, вы понимаете меня?... – Менжинский на секунду замолчал, чтобы понаблюдать за реакцией Болохова. Но тот спокойно воспринял его слова. «Молодец, – мысленно похвалил его председатель. – Видимо, уже научился владеть собой, а это очень важно для человека его профессии». – Кстати, вы были когда-нибудь в Харбине?

– Не приходилось... – коротко ответил Александр.

– Так вот придется, – достаточно жестко проговорил председатель. – За последние годы там были сформированы десятки антисоветских подрывных центров из числа тех, с кем, собственно, вы когда-то и боролись. Глупцы! – неожиданно усмехнувшись, произнес он. – На что они надеются?... Что им удастся свергнуть советскую власть? Но ведь эта идея сегодня выглядит архиутопической, если учесть, что наша страна не стоит на месте... Она развивается, она становится сильной... Однако нам не нужна война. А эти люди к ней призывают... Сам собой напрашивается вопрос: как избавиться от этих подонков? Однако не мне вам рассказывать, что в этом случае нужно делать. Нет, я не стану сейчас говорить о деталях операции – об этом вам расскажет товарищ Артузов. Я знаю, вам уже доводилось работать с Артуром Христиановичем, так что в добрый путь! – улыбнулся Менжинский. – Впрочем, у меня еще к вам будет личная просьба... – Он снова порывается встать, но опять у него не хватает для этого сил. – А просьба такая... В Харбине обосновались пятеро негодяев, которых... – Он делает паузу. – Которых партия считает своими врагами. Нет-нет, это не какие-то там известные деятели, – заметив в глазах Болохова немой вопрос, торопится объяснить он. – Это обыкновенные шарлатаны, но от них столько идет сегодня вони! А нам это нужно? Вот я и прошу... Я прошу каким-то образом заткнуть им рты. Ну, не мне вас учить... – заключает он.

Это заявление было явно не по душе старшему оперуполномоченному. Оно задевало его профессиональные чувства. Как же так! Ведь он опытный сотрудник, на его счету не одно громкое дело, а тут, понимаешь, ему предлагают ехать черте знает куда, чтобы заткнуть глотки каким-то там, как выразился шеф, шарлатанам. Но Менжинский как будто не замечает перемену в его лице.

– А знаете, почему именно вас я об этом прошу? – Снова на Болохова смотрели эти внимательные и чуть воспаленные то ли от вечного недосыпа, то ли от прилипшей к человеку какой-то хвори глаза. Глаза умного человека, в глубинах которых пылает огнем вся эта великая современная история, которую невозможно было постичь умом. – Вы же художник, так?

– Бывший... – тут же поправил его Болохов. – Впрочем, я даже не успел им стать – только учился...

– Тем не менее... – промокнув лицо носовым платком, произнес председатель. – Вы были знакомы со многими питерскими художниками, так ведь? Насколько мне известно, вашим педагогом в академии был сам Василий Васильевич Кандинский...

При упоминании этой фамилии у Александра как-то нехорошо трепыхнуло в груди. Кандинский уже несколько лет жил в эмиграции, поэтому получалось, что прошлое Болохова так или иначе было связано с именем врага советской власти. Именно врага, потому как партия давно назвала русскую эмиграцию своим главным врагом. А он-то в своих анкетах писал, что чист перед партией, что у него с прошлым нет ничего общего, а тут получается, что его учителем был враг. Выходит, он врал, когда заполнял такие анкеты? Выходит, партия зря ему так доверяла?

– Товарищ Менжинский, но ведь это было так давно... При этом кто же знал, что тот человек окажется...

Он не договорил. Он просто не мог назвать своего любимого Василия Васильевича тем словом, о котором разве что грудной ребенок не знал. Это было страшное слово, и даже не слово, а свинцовая пуля, которая находилась в постоянном полете, отыскивая свою цель. «Враг!» звучало как «Пли!» Скажи так – и пуля тут же окажется в чьем-то сердце.

– Да-да, конечно... – подтвердил Менжинский. – И все-таки, Александр Петрович, он был вашим учителем...

Снова трепыхнуло у Болохова в груди. На этот раз он испугался не за себя. Да неужто?.. Неужто его хотят заставить убить старика Кандинского? Но это же кощунство! Разве можно так?.. Это же имя! Это русская слава! Поднять на него руку – это то же самое, что поднять ее на своего родного отца...

Менжинский, будучи человеком прозорливым, тут же по выражению лица Болохова догадался, о чем тот подумал.

– Успокойтесь, голубчик, – попросил он. – Мы вовсе не собираемся мстить этому человеку. Да, он не принял советскую власть, но он не стал раздувать меха, попав за границу. Это я так, образно. Но вы меня понимаете... Я говорю о том, что он не занимается злопыхательством. Однако есть дичь помельче, а вот шума от нее, как от настоящей... Я говорю о некоторых ваших бывших товарищах по академии, которым удалось обманым путем выехать за границу и не вернуться назад. Да Бог с ними, пусть бы не возвращались, но зачем клеветать на советскую власть? Тут и без них шума вокруг нас хватает... – Менжинский налил в стакан воды из графина и сделал глоток. – В общем, на днях меня вызвал товарищ Сталин и выговорил за то, что, выражаясь его словами, наша контора плохо реагирует на антисоветские выпады со стороны белой эмиграции... Вы, говорит, привыкли стрелять только по крупным мишеням, но этого недостаточно. Ведь существуют еще и мелкие сошки, которые не меньше портят нам жизнь. Хватит, говорит, с этими клеветниками миндальничать... Подумаешь, великие ученики великих мастеров! Насрать, мол, на них. Мы своих, говорит, великих вырастим, а те пусть заткнутся. Так что вот такие дела... Ну как, Александр Петрович, вы готовы выполнить задание партии? – глядя Болохову прямо в глаза, задал он вопрос.

Вот так, ничего нового: дальняя командировка, наган, очередная жертва. Сколько их уже на его счету! А сколько еще будет?.. Ведь пока где-то в какой-то точке земного шара существуют люди с иными взглядами, с иными амбициями, партия и дальше будет требовать от чекистов решать эти вопросы репрессивными методами. Здесь два пути. Первый – это заманить потенциального врага на его бывшую родину, где дальнейшую его судьбу решит революционный суд. В случае же, если тот вариант не удастся – просто уничтожить его. Увы, чаще приходится выбирать второй путь, потому что решать сверхзадачи бывает гораздо труднее, чем вытащить из кармана револьвер.

Но кто же на этот раз? Неужели и впрямь кто-то из моих знакомых? – удивился Александр. Вот бы узнать, кто это... Впрочем, об этом ему скажут позже, а теперь он должен дать свой ответ товарищу Менжинскому. Но что он мог ответить ему? Сказать «нет», сославшись на то, что у него не поднимется рука на бывших своих товарищей, значит подписать себе приговор. Коль за дело взялся сам Сталин, о котором ходили недобрые слухи и которого многие считали причастным к смерти вождя, то дело точно пахнет керосином. Ладно, мол, соглашусь, а там будь что будет. Сама жизнь подскажет ему правильный ответ. Но это будет последнее его задание. Все, хватит. А то ведь чем дальше в лес, тем больше дров. Глядишь, скоро своих начнем стрелять. Вон ведь как передрались старые большевики после смерти Ильича! Каждому хочется занять его место. Раньше-то без партийных группировок не обходилось, а теперь и вовсе полный раздрай. Дошло до того, что Троцкого, этого второго после Ленина человека в партии, собираются вышвырнуть за границу. Ну, точно пауки в банке – не меньше. А что еще будет?..

Болохов хорошо знает историю, и ему порой кажется, что Октябрьская революция в точности начинает повторять собой Великую французскую. Там тоже сначала рубили головы врагам, затем близким врагов, дальше соседям этих близких, а в конечном счете, на эшафот отправили поочередно самих вождей революции.

Нет, нельзя сказать, что Александр разочаровался в революции, однако в нем появилась некая внутренняя тревога, от которой уже трудно было избавиться. Хотелось с кем-то поделиться своими мыслями, но если еще недавно люди открыто могли говорить о политике, то сейчас всех охватил непонятный страх. Видно, жесткая линия партии, когда даже анекдоты про нынешнюю жизнь стали считаться актом саботажа и подрыва строя, сделала свое дело. Люди закрылись в своей скорлупе и боятся оттуда высунуться. Но ведь это неправильно! – хотелось кричать Болохову. Нужно указывать властям на их ошибки, иначе революция превратится в некоего монстра, который сам себя и сожрет. Но разве для этого мы шли на баррикады, разве для этого раздували мировой революционный пожар? Нет, нет и нет!..

Вот об этом сейчас думал Болохов, пока не услышал голос Менжинского.

– Что с вами, Александр Петрович?.. Я вас спрашиваю, вы готовы выполнить задание самого товарища Сталина?

Оказывается, Менжинский пытался пробиться к нему своими вопросами, а он его не слышал.

– Простите, Вячеслав Рудольфович, я задумался. – И тут же: – Да, да, я постараюсь... Вы можете положиться на меня.

– Ну, вот и хорошо, – улыбнулся председатель. – Тогда я вызываю к себе начальника отдела контрразведки. – Он снял с телефонного аппарата трубку. – Пригласите-ка ко мне Артура Христиановича...

Глава третья. Гридасовы

1

Лизонька Гридасова не могла пожаловаться на отсутствие внимания к ней со стороны молодых людей. Поклонников прибавилось, когда она пришла на работу в управление «Русского общевойинского союза». До нее в личной канцелярии генерала Хорвата, служившей одновременно и его приемной, работала машинисткой старушка, поэтому редко кто из посетителей надолго задерживался возле нее, но с приходом девушки все изменилось. Теперь с утра до ночи здесь крутились молодые офицеры, всякого рода деловые люди, а еще врачи, адвокаты, чиновники, которые приходили за высокой поддержкой генерала, заодно не упуская случая пофлиртовать с молодой машинисткой. Приходили и ее товарищи из «Союза молодых монархистов», где она слыла одним из самых активных членов. Зная безотказный характер Лизоньки, ее не оставляли в покое ни днем ни ночью. То ее просили написать сценарий к очередному празднику, то организовать встречу с какой-нибудь знаменитостью, то еще чего. Приходилось идти навстречу и задерживаться допоздна в канцелярии, чтобы закончить работу. А работы хватало. Бумаги, исписанные разными почерками, от каллиграфически-убористого до размашистого и вовсе неразборчивого, несли со всех отделов, и она должна была все это перепечатать. И не только перепечатать, но и отредактировать, потому что не все авторы текстов были людьми в полной мере грамотными, не все владели грамматикой и синтаксисом, не говоря уже об орфографии.

Но больше всех ее донимал начальник личной канцелярии генерала тридцатипятилетний ротмистр Шатуров, высокий брюнет с красиво очерченным профилем и несколько нагловатым взглядом. У него были вечно набриолиненные и гладко зачесанные назад волосы и тонкие смоляные усики, отчего он был похож на какого-то итальянского мафиози и одновременно на законченного бонвивана. О нем ходила дурная слава, будто бы он занимается какими-то темными делишками и меняет женщин как перчатки. Об этом Лизоньку предупредили ее университетские подруги, и она постоянно была начеку, испытывая неприязнь к этому высокому красавцу. Но тот воспринял ее холодность за обыкновенную девическую стеснительность, которая, как он знал, быстро проходит после того, как молодая особа попадает в руки опытного жигало.

Знать бы Лизе, какую цель ротмистр преследовал, принимая ее на работу, наверное, больше никогда не переступила бы порог этой организации, а то ведь решила, что она выиграла конкурс исключительно благодаря своим профессиональным навыкам. До этого она несколько месяцев ходила на курсы машинописи, а когда однажды отец, вернувшись со службы, вдруг объявил о том, что его уволили из Правления Общества Китайской Восточной железной дороги, она тут же решила бросить свой педагогический институт и устроиться на работу. Другого не оставалось. Ведь все, что у Гридасовых было: и родовое поместье, и счета в банке, — осталось победившему на родине революционному пролетариату.

В ту пору таких, как Владимир Иванович, увольняли пачками, потому что после восстановления в 1924 году отношений между СССР и Китаем, разрыв которых произошел в семнадцатом революционном году, КВЖД перешла в совместное советско-китайское управление, что не могло не отразиться на положении служащих дороги. Теперь, согласно соглашению между Пекином и Москвой, работать здесь могли только те, кто имел китайское или советское подданство, ну а монархически настроенный Гридасов ничего не желал менять в своей жизни, потому у него был лишь статус эмигранта. Та же участь ожидала и его детей, потому что с этого момента обучаться в харбинских институтах также могли только подданные этих двух стран. Ситуация казалась тупиковой, если учесть, что Гридасовы-младшие даже мысли

такой не допускали, чтобы пойти к большевикам на поклон. На их счастье китайское правительство, сознавая нужду в квалифицированных специалистах, пошло навстречу детям русских эмигрантов и предоставило им возможность получить китайское подданство, а с ним и право продолжить образование.

Лизин старший брат Петруша, понимая сложившуюся в доме ситуацию, первым устроился на работу – стал охранять пакгаузы в порту. Из-за материальной необеспеченности и сравнительно высокой платы за обучение для студентов было в порядке вещей совмещать учебу с добыванием средств к существованию. Многие из них были заняты на КВЖД, работая охранниками, дежурными по станции, обходчиками. Другие занимались репетиторством, преподавали русский язык китайцам или математику и физику в средних школах. Кому-то даже приходилось довольствоваться любым заработком. Одни крутили баранку, другие работали пожарниками, третьи – пекарями, солистами варьете и даже разнорабочими в похоронном бюро. Преподаватели сквозь пальцы смотрели на это, понимая, что студентам надо каким-то образом выживать. Поэтому, несмотря на плотный учебный график, молодежь умудрялась еще и зарабатывать деньги. Благо, работодатели тоже входили в их положение, давая им возможность являться на службу после окончания занятий.

Лизе найти работу было сложнее, потому как куда ни сунься, всюду требовалась в основном мужская сила. А тут кто-то сказал ей, что в «Русском общевойсковом союзе» умерла старая машинистка и ее место освободилось. Когда пришла в управление и увидела, сколь много желающих попасть на службу, решила, что ей ничего не светит. Она слишком молодая, а здесь нужен опытный работник со стажем. Более того, она все-таки решила не бросать институт, а сочетать учебу с работой, а это, скорее всего, не устроит здешнее начальство. И как же Лизонька была удивлена, когда после профессиональных испытаний вдруг объявили, что именно она выиграла конкурс.

Шатуров, этот красавец в ловко сидевшей на нем офицерской форме, сам тогда ввел ее в канцелярию и показал ей рабочее место.

– Здесь, Lise, вы и будете работать, – улыбнувшись, сказал он ей. – Печатаете вы хорошо, я это сам видел, надеюсь, с работой вы справитесь. Поначалу вы будете получать шестьдесят таянов. Да, это немного, но через месяц, если вы покажете себя... и если мы с вами подружимся, – в этом месте он многозначительно посмотрел ей в глаза, – то мы удвоим ваше жалование.

Ротмистр знал, что говорил. Эта хорошенькая девица, как только он ее увидел, сразу пришлась ему по душе. В ней было какое-то весеннее очарование. Так выглядит юная черемушка в период своего цветения. Тоненькая, стройная, с детской пушистой челкой на совсем юном светлом лице. При этом в ней уже явно проглядывало нечто женское, что заставляло мужчин обращать на нее внимание.

С этой женщиной можно пойти и в пир, и в мир, и в добрые люди. «И почему я не видел ее раньше?» – думал Шатуров. Где ее до сих пор прятали? Узнав, что она дочь одного из почтеннейших мужей города, и вовсе загорелся желанием сблизиться с Лизонькой. Вот только она по-прежнему сторонилась его, по-прежнему при виде его глаза ее меркли, и она начинала заметно нервничать. «Что же это получается?» – думал ротмистр. – Для всех она открытый человек, а его игнорирует». Ну ничего, он еще свое возьмет. И не таких лошадок ему доводилось объезжать. Когда он учился в кадетском корпусе в Петербурге, а затем в юнкерском училище, считай, не один десяток смазливых девиц прошел через его руки. Среди них было немало тех, у кого папы были генералами и большими чиновниками. И это несмотря на то, что сам Сергей Шатуров был птицей невысокого полета, что отец его был разорившийся помещик, отсюда никаких особых перспектив у парня не было. Но он был красив, красноречив и в достаточной мере образован, и это производило впечатление на девиц. Всем этим он и пользовался, завоывая их сердца. К тридцати пяти годам, так и не женившись, он продолжал пользоваться успехом у женщин, тем более что все знали: человек он состоятельный, и, имея склонность ко

всякого рода авантюрам, он уже здесь, в Маньчжурии, сумел заработать приличный капитал. В основном доход ему приносила контрабанда и наркотики. Пользуясь своим положением и связями, он смог быстро наладить дело. Сейчас на него работала целая армия контрабандистов, которые возили дефицитный товар в ободранную, словно липку, во время Гражданской совдепию, а помимо этого у него в городе было несколько опийных курилен, две из которых находились в принадлежавших ему же домах терпимости. Отсюда эта его не совсем хорошая репутация, отсюда нежелание людей из приличного общества приглашать его на всякого рода собрания и званые ужины. Ему же на это было вроде как наплевать, потому что главным для него были не эти балы, а деньги, которых у него было в достатке. Подумаешь, репутация! Да объяви он сейчас, что уезжает куда-нибудь в Австралию или ту же Канаду, – вряд ли какая из здешних девиц откажется ехать с ним. Пусть даже их родители будут против этого.

Но пока что покидать Харбин Сергей Федорович Шатуров не собирался, хотя некоторые его соотечественники, опасаясь новой войны, а то, что она будет, никто уже не сомневался, глядя на то, как японцы и китайцы усиленно готовятся к нападению на совдепию, потянулись на юг. Там, в Шанхае, потихоньку росла новая колония русских эмигрантов.

Однако Харбин по-прежнему оставался главным вместилищем русской эмиграции. За счет вливания русских капиталов в Маньчжурию и деловой хватки большинства эмигрантов город, которого только чудом не коснулось кровавое дыхание революции, богател на глазах. В основном все здесь крутилось вокруг КВЖД, по которой денно и нощно на запад и восток шли и шли поезда с грузом. Видно, эта деловая атмосфера и была главной причиной того, почему в городе мирно уживались между собой заклятые враги, воевавшие в Гражданскую по разные стороны фронта. Разве что молодежь по старой памяти продолжала враждовать между собой, устраивая по вечерам кровавые разборки где-нибудь на пустырях да в темных переулках.

Несмотря на общую напряженность, город не только богател, но и рос вширь. Пристань, Новый город и Старый Харбин – три основных района признанной столицы КВЖД. Помимо них существовала еще целая дюжина городков и поселков в черте Харбина. По окраинам его селился небогатый мастеровой люд, согласуясь со старинными цеховыми традициями. Так, к примеру, в Мостовом поселке жили строители Сунгарийского моста, а те же извозчики и ремесленники – в Алексеевке.

Новый город, покрытый правильной сеткой улиц, был спланирован очень искусно. Здесь уже в начале двадцатого века появился громадный комплекс зданий Управления железной дороги на Большом проспекте, долгое время считавшийся самым большим по площади на всем Дальнем Востоке. По другую сторону Большого проспекта в те же ранние годы появилось нарядное здание Железнодорожного собрания с прекрасными залами и сценой, долгое время считавшееся одним из главных очагов русской культуры в полосе отчуждения. Здесь же были построены здания коммерческих училищ КВЖД – мужского и женского – первых учебных заведений в Харбине. На Вокзальном проспекте в начале 1903 года появилось здание Русско-Китайского банка, здесь же было построено Гарнизонное собрание.

Большинство здешних зданий – это знаменитые первые «кэвэжэдэновские» двухквартирные краснокирпичные одноэтажные и двухэтажные дома для рабочих и служащих, которые были окружены садами и цветниками. Во дворах – сараи, летние кухни, ледники и подсобные строения.

В центре Нового города на Соборной площади по проекту петербургского архитектора Подлевского в 1899 году был построен собор в древнерусском стиле, который местные из-за темного цвета бревенчатых стен называли «шоколадным». От него во все стороны протянулись стрелки широких, окаймленных молодыми тополями и вязами проспектов – Большого, Хорватовского, Вокзального и Маньчжурского. По ним целыми днями взад-вперед снуют рикши, автомобили-такси, на которых русская молодежь зарабатывает себе на жизнь, проносятся дело-

вито автобусы, из окон которых, надрывая глотки, постоянно оглашают своими высокими головами барыжнешки:

– На Пристань!.. Модягоу!.. Гостиница «Модерн»!..

Деловой частью города была Пристань, раскинувшаяся в низине от вокзала до самого берега насколько широкой, настолько и мутной многоводной Сунгари. Сюда нужно ехать через красивый бетонный виадук, перекинувшийся хомутиной через железнодорожные пути.

Если строительству Нового города Строительное управление КВЖД уделяло максимум внимания, осуществляя его точно по проекту и под строгим контролем, то Пристань развивалась исключительно благодаря частной инициативе и без всяких строительных планов. Возникла она естественным самобытным путем – из первых поселков русских и китайских рабочих, поэтому и застраивалась своеобразно. Здесь каменные двух- и трехэтажные дома разбогатевших дельцов соседствовали с деревянными избами и глиняными фанзами. Говорят, одним из ярких примеров самоуправления жителей Пристани было возникновение Китайской улицы. Осенью 1898 года группы китайцев и маньчжур самовольно распланировали эту часть Пристани и произвели разбивку участков колышками.

К Пристани прилепились провинциального типа предместья с фанзами и временными жилищами из фанеры – Нахаловка и Чинхэ. Дальше за рекой уже шли дачи, заимки, затоны, Солнечный и Крестовский острова, где в летнюю пору проводили время многие русские харбинцы.

Если ехать в другую сторону от расположенного на холме Нового города, то можно было попасть в этикие «старорежимные» предместья Модягоу и Гондательку, где в основном жили местные, большей частью зажиточные граждане. Оттого Модягоу и называли харбинским «Царским Селом», который постепенно становился эпицентром «эмигрантской» русской части Харбина, в противовес «железнодорожной».

Старая часть Модягоу – это сплошь узкие улочки, такие узкие, что колеса проезжающих машин и экипажей едва не касались стен. И весь он был похож на огромный лабиринт, в котором приезжему невозможно ориентироваться и из которого, казалось бы, никогда не выбраться.

Иным был Новый Модягоу. Здесь и улицы уже были шире, и дома побогаче. Вместо покосившихся калиток старика Модягоу – металлические изгороди с коваными воротами. Эта часть Харбина, пожалуй, росла быстрее других. Сюда в конце двадцатых протянули трамвайную линию, и побежали со звоном по рельсам новенькие вагоны, закипели, забурлили улицы разночинным людом. Зимними утрами, похрустывая по снежку, бежали, торопились в свои харбинские школы, гимназии, училища и институты школьная детвора, гимназисты, реалисты и студенты. Степенно шествовали служащие контор, мчались в пролетках «баловни судьбы», как называли тут служащих Управления железной дороги, у которых рабочий день заканчивался уже в три часа дня.

Летом разбуженный гудками паровозов на Сунгари город превращался в огромный муравейник. Отовсюду – из Саманного, Корпусного, Госпитального, Гондательки, Нового Модягоу, Алексеевки, Старого Харбина – на трамваях, автобусах, авто, в пролетках, рикшах, просто пешком к центру мегаполиса тянулись люди, чтобы заработать себе на жизнь.

До недавних пор, проснувшись утром и позавтракав, вот так же торопился к себе на службу и Владимир Иванович Гридасов. Он слыл большим педантом, и потому не было случая, чтобы он когда-то опоздал на работу. В девять часов он уже сидел в своем кресле и разбирал бумаги. Тут же лежала свежая почта и пресса. Пока не просмотрит все, к нему лучше не суйся. Все равно выгонит. Характера он сурового, хотя человеком слыл справедливым. Даже когда в революцию большевики пытались на дороге качать свои права, он находил с ними общий язык и, бывало, шел им на уступки, как прежде шел на уступки профсоюзным лидерам. Зачем,

мол, воевать, когда можно просто договориться с людьми. Тем более что они бывают в чем-то правы.

Харбин, по существу, строился на его глазах, превращаясь из большой деревни в современный большой город. Градообразующим предприятием была железная дорога, которую, несмотря на сложный рельеф северной территории Китая, русским удалось построить всего за шесть лет, так что уже в 1903 году по ней прошли первые поезда.

Двухэтажный особняк Гридасовых приютился в одном из тихих переулков Нового Модягоу. Как и все здешние дома, он был построен в европейском стиле, отчего и сам район, и Харбин в целом больше походил на русский город, только здесь до поры все выглядело свежим и приветливым. Так выглядят обыкновенно все новые города. Азиатская пыль и грязь ушли в прошлое, вместо них появились каменные мостовые, а к тридцатым годам – и асфальт.

При доме был небольшой сад – этот тихий порыв к покою и отдохновению. Здесь росли несколько яблонь и абрикос, которые весной буйно цвели, наполняя дом запахами весны.

Здесь и выросли дети Владимира Ивановича и Марии Павловны, которым выпало появиться на свет вдали от родового поместья Гридасовых. Оторвавшись от родных мест, родители поступили философски: родина-де там, где нам хорошо. Им было хорошо вдвоем начинать эту большую жизнь, а с появлением долгожданного сына (два младенца перед тем у них умерли, едва появившись на свет), которого они называли в честь друга семейства Петра Аркадьевича Столыпина, а затем и Лизы, они и вовсе ощутили огромный прилив счастья. И если поначалу они тайно тосковали по родине, то теперь Харбин стал для них по-настоящему родным, потому что это была родина их детей.

Петр, начитавшись Станюковича, с детства мечтал о военно-морской карьере, но события в России изменили его планы. Решил пойти по стопам отца – поступил на дорожно-строительный факультет Харбинского политехнического института, чтобы через пять лет получить звание инженера путей сообщения. Учиться в этом институте было престижно. Созданный в 1920 году, он уже скоро стал одним из лучших высших учебных заведений Китая с богатой научно-исследовательской базой и штатом высококвалифицированных преподавателей, среди которых были ученые и педагоги с мировым именем.

А через два года, окончив женскую гимназию, поступила в педагогический Лиза. Она выбрала факультет русского языка и литературы, потому что страшно любила поэзию. Более того, ей было безумно дорого все русское: и язык, и культура, и история, и сами русские, которые казались ей самыми умными, благовоспитанными и добрыми на свете. Она росла в такой среде, где не было особых конфликтов и где люди, находясь вдали от родины, бережно относились друг к другу. И каково же было ее изумление, когда она узнала об ужасах Гражданской войны, о тех зверствах, которые творили обожествляемые ею русские. «Нет, это неправда!» – впервые прочитав в «Русском слове» о кровопролитных боях на российских фронтах, с болью в голосе воскликнула она тогда. Этого просто не может быть!.. Но потом пришлось все-таки в это поверить, когда в Харбин стали стекаться прямые участники событий, которые такого порассказали!..

Она помнит, какой испытала шок, когда узнала о расстреле царской семьи. Подробности этого преступления и вовсе ее убили. Особенно ей было жалко детей императора. Их-то за что? – не понимала она. И тогда она пришла к выводу, что русские люди вовсе не такие добрые, как она думала. Они могут быть и кровожадными робеспьерами, и беспощадными наполеонами, и еще черт знает кем. И никакая великая культура, никакие древние традиции и просвещение не удерживают их от того, чтобы они не творили зло. После всего этого она надолго замкнулась, переживая в себе правду жизни, но молодость отходчива, и уже скоро Лизоньке снова стало казаться, что жизнь прекрасна, и все люди добрые по своей сути, что в них есть что-то от ангелов.

А любовь к поэзии у Лизы была от матери. Та была выпускницей петербургских Высших женских курсов, готовивших врачей и учителей, где литературу не просто преподавали – ею там жили. Оттого Мария Павловна и выбрала не Смольный институт, что было бы ближе ей по рангу как представительнице известной русской фамилии, а Бестужевские курсы, где каждый новый день для нее открывался стихами Державина и Пушкина, Жуковского и Баратынского, Брюсова и Блока. Часто к ним на литературные вечера приходили те, кого молодежь считала своими кумирами. Среди них был и совсем тогда юный Николай Гумилев, и Александр Блок, и Саша Черный... А еще она помнила Ивана Бунина, Леонида Андреева, Александра Куприна, творческие вечера которых она, будучи еще курсисткой, любила посещать. Последний даже пытался ухаживать за ней, но у нее уже был жених. Однако книги с дарственной подписью Александра Ивановича она бережно хранила в своей библиотеке. Среди них – любимые ею «Поединок», «Гранатовый браслет» и «Юнкера».

В отличие от своего мужа, в ком жил тяжелый дух консерватизма, Мария Павловна была натурой романтической, более того, противоречивой, которой, как и многим ее тогдашним ровесникам, было присуще некоторое бунтарское начало. Одно время она даже увлекалась Чернышевским и Герценом, считая, что их произведения ведут человечество к свету, но потихоньку бунтарское из нее ушло и осталась только романтика. В нее пошли и ее дети. Те тоже были заражены противоречивым духом, тоже искали в воздухе свежие струи ветра до той поры, пока светлые мысли их не утонули в реках российской крови. Тут же и исчез весь бунтарский дух, а вместо этого появились мысли о вечном и прочном. Поэтому дети Гридасовых и вступили в «Союз молодых монархистов», окончательно закрепив за своим семейством звание державников.

2

Работа в «Русском общевойсковом союзе», хотя и утомляла Лизу, все равно приносила ей удовлетворение. Ведь она таким образом помогала семье сводить концы с концами. Естественно, на те шестьдесят таянов, что ей платили в организации, выжить даже одному человеку в городе было трудно, поэтому до поры Гридасовых выручало то небольшое, что еще осталось от их прежних сбережений. А тут вдруг Шатуров после месяца испытательного срока заговорил с ней о повышении оклада. Услышав это, она зарделась. Это, учитывая немалые расходы семьи, было бы так кстати. Однако ротмистр, сказав «а», про «б» как будто бы забыл. Вместо этого он стал усиленно ухаживать за Лизой.

– Lise, в кинотеатре «Европейский» показывают новый американский фильм. Я хочу вас пригласить на вечерний сеанс, – однажды, уловив момент, когда в канцелярии не было народа, сказал ротмистр.

Это было так неожиданно для Лизоньки, что она даже вздрогнула при этих словах.

– Сегодня?.. Сегодня я не могу... – заморгала она глазами.

– Да? У вас что, какие-то срочные дела? – удивленно посмотрел на нее Шатуров, не привыкший к такого рода отказам.

– Да, срочные дела, – продолжая печатать какой-то текст, произнесла она.

Ротмистр хмыкнул.

– И какие же, если не секрет?

– Конечно, не секрет! – на мгновение оторвала она взгляд от «ундervуда» и с опаской взглянула на офицера. Форма на нем, как всегда, тщательно отутюжена и сидела как влитая. И эти золотые погоны, которые сводили с ума молодых девушек...

– Так что же? – Шатуров, наклонившись над Лизонькой и упершись холеными пальцами о стол, выжидающе смотрел на нее. При этом его взгляд то и дело менял позицию: то он ласково

скользил по ее изящной белой шее, то, минуя белый ажурный воротничок, падал на то место, где под модной полосатой шелковой кофточкой чуть заметно вздымалась девичья грудь.

Заметив что-то неприличное в его взгляде, Лиза нахмурила брови и тряхнула челкой. Дескать, как вам не стыдно. А он вроде бы и не заметил этого порыва. Вместо того чтобы отойти от девушки, он наклонился еще ниже и вдохнул аромат ее волос, при этом как-то театрально закатив глаза.

– Прелесть! Какая же вы все-таки прелесть... – задохнулся он в чувствах. – Кстати, как называется эта ваша прическа? Я знаю, она сегодня очень модная. Вчера я смотрел один французский журнал...

– «Каре»! – не дав ротмистру договорить, достаточно резко произнесла Лиза, обидевшись на его бесцеремонность.

– Ах, да!.. Мне уже кто-то говорил об этом, – не смутившись ее тона, сказал Шатуров. – Ну так что за срочные дела, дорогая моя Lise? – снова спросил он ее.

Она чуть заметно вздохнула, чувствуя, что этот человек все равно не отвяжется от нее, пока она не выложит ему веский аргумент.

– Мы готовимся к встрече Нового года... – ответила Лизонька.

– Кто это «мы»? – не понял офицер.

– Мы – это «Союз молодых монархистов».

Ротмистр пожал плечами.

– Понятно... Ну а завтра?.. Как насчет завтра?

Ее пальцы замерли на литерах машинки – задумалась.

– Завтра я тоже не могу, – неожиданно вспомнив что-то, произнесла она. – Я приглашена на именины.

Ротмистр заметно занервничал.

– И чьи же это именины, позвольте вас спросить? – поинтересовался он, и в его голосе зазвучали насмешливые нотки.

Боже мой, какой же он невыносимый! – подумала Лиза. Неужели он будет теперь каждый день так приставать?

– У моего жениха... – неожиданно соврала она. – Ну не так чтобы уж жениха, – заметив насмешливый взгляд офицера, поправила себя она, – просто он... В общем, неважно!

– А вы, оказывается, лгунья! – глядя на Лизу своими насмешливыми цыганскими глазами, совсем беззлобно сказал Шатуров.

– Это еще почему? – вскинула она на него глаза.

– А потому что вы говорите неправду... Нет у вас никакого жениха!

– А вот и есть! – встала она в позу. – Почему вы решили, что я хуже других? Мне уже двадцать лет...

– Да что вы говорите! – усмехнулся ротмистр. – Впрочем, может и двадцать, но ведете вы себя как девчонка...

Лиза вспыхнула.

– А вы хотели, чтобы я вела себя как какая-нибудь кокотка? – в сердцах проговорила она и тут же испугалась своей смелости. Ведь этот человек может взять сейчас и уволить ее – и что тогда? Снова искать работу? А она уже вроде привыкла к этому месту. Но Шатуров не стал ее увольнять. Он решил вести игру до конца. Кобылка оказалась резвой, и он должен был во что бы то ни стало обуздать ее. Пусть даже для этого потребуется время. Иначе он упадет в своих собственных глазах.

– Ладно, подождем, когда у вас появится время, – мирно улыбнувшись, произнес ротмистр. – Я думаю, это когда-нибудь все-таки произойдет? – Спросил он и как-то по-своему подмигнул ей. – Кстати, где вы будете встречать Новый год? – не дождавшись ответа, он почему-то улыбнулся. – Знаете, Lise, мне всегда казалось странным, что мы, россияне, празд-

нуем Новый год раньше, чем Рождество. А вот в Европе все иначе. Вначале идет Рождество, а уж потом наступают новогодние праздники. Вот и выходит, что у нас все, не как у людей. Может, оттого и путь России-матушки такой нескладный в истории?

– Но ведь это просто временное несовпадение... – пыталась объяснить ситуацию Лиза. – Всем же известно, что православная церковь пользуется юлианским календарем, двадцать пятое декабря которого соответствует седьмому января григорианского календаря.

Ротмистр махнул рукой.

– Да знаю я все это, знаю, и все равно мне не понятно, отчего у России такой извилистый путь? Ну да ладно, не об этом сейчас речь... – заметил он. – Вы мне так и не ответили, где будете встречать Новый год.

Лиза посмотрела на него с удивлением. Дескать, неужели он не в курсе?

– Ну конечно же в нашем молодежном союзе! Мы устраиваем театрализованное представление, после чего будут танцы...

– А шампанское?

– Думаю, будет и шампанское. Мы заказали буфет.

– Тогда я приду к вам на вечер. Надеюсь, вы меня не прогоните? – широко улыбнулся ротмистр, обнажив свои молодые крепкие зубы.

После этого заявления Лиза жила как на иголках. Неминуемо приближался Новый год, а это значило, что ей снова придется отбиваться от этого назойливого ухажера. Ведь ротмистр непременно заявит к ним на праздник. Это не тот человек, чтобы отказываться от своих намерений. Боже мой, неужели ему не хватает других женщин? В конце концов зачем он к ней-то прицепился? Нет, надо что-то делать...

Чтобы каким-то образом оградить себя от этого жигало, Лиза решила обратиться за помощью к другу детства Жоржу Лиманскому, бывшему, как и она, как и ее брат Петр, членом «Союза молодых монархистов». Тот как-то пытался ухаживать за ней, однако она объяснила ему, что у них ничего не получится. Главным образом потому, что они росли на одной улице, и она испытывала к нему лишь братские чувства. Однако Лиза по-прежнему интересовала парня, поэтому он был необыкновенно счастлив, когда она обратилась к нему за помощью. На вечере, по замыслу девушки, они должны будут изображать влюбленную парочку, чтобы не дать возможности ротмистру ухаживать за ней. Ну а если он все же на это решится, то Жорж не даст ее в обиду. Тем более ему это ничего не стоит, если учесть, что он чемпион города по боксу в первом тяжелом весе.

Лиза несколько не лукавила, говоря о том, что в тот вечер ее ждали в молодежной организации. Там и впрямь полным ходом шла подготовка к празднованию Нового года. Сюда, на Вокзальный проспект, где находилось это арендованное союзом красивое двухэтажное здание, выполненное в стиле позднего ампира с его массивными лапидарными формами, она обычно шла с легким сердцем. По вечерам здесь всегда было весело и оживленно. Работали кружки и секции, звучала музыка, а в буфете продавалось ягодное мороженое и ситро. Лиза записалась сразу в три кружка – поэзии, драматический и певческий. Кроме того, она была ответственной за проведение праздников и литературно-музыкальных встреч. Готовясь к Новому году, они придумывали художественные номера, закупали вещи для лотереи, шили новогодние костюмы, рассылали пригласительные тем, кого бы они хотели видеть у себя на празднике.

Однако организовать товарищей – это одно, но Лиза хотела подготовить и свой номер, с которым она выступит перед публикой. Вот только она еще не решила, что ей выбрать. Мама советовала ей спеть под собственный аккомпанемент какой-нибудь романс, потому что считала, что лучше всего у нее получается петь и играть на фортепиано. Но Лизонька втайне желала другого – вынести на суд товарищей свои собственные стихи, которые до сих пор никому никогда не показывала. Даже Марии Павловне. Может, зря? Может, мама оценила бы их, после чего не стала бы так настойчиво рекомендовать ей спеть романс?

Впрочем, та давно уже догадывалась о ее новом увлечении, о том, что дочь ее, поддавшись всеобщей моде на поэзию, что-то там крапает по ночам, однако сочла это делом несерьезным, более того, проходящим. Мало ли кто в молодости не рифмовал слова? Она считала, что настоящим поэтом может стать только тот, кто пережил в душе какую-то боль, кто пишет стихи не разумом, а сердцем. А Лиза ее росла, не зная никаких забот, не говоря уже о потрясениях, – будто бы тот любимый всеми цветок на окне. Тогда что она может сказать, что выразить, чем удивить? В таком возрасте обычно получается что-то искусственное, непрочувствованное до конца, надуманное. Другое дело – пение. Хотя и в пение нужно вкладывать свою душу. Но там все-таки можно обмануть слушателей, сделав упор на технику. А вот в стихах одной техники недостаточно. Помимо этого здесь требуется и трогательное душу содержание. Но дочь пока что этого не понимала. Она, наверное, считает, что при желании тоже может стать такой, как Ахматова, как Цветаева, как эти славные харбинские поэтессы Ларисса Андерсен, Тамара Андреева и Мария Визи. С одной такой поэтессой Варей Иевлевой она даже дружит, несмотря на разницу в возрасте. Та все-таки уже повидала что-то в жизни, прочувствовала ее каждой своей клеточкой. Как там у нее?

Странный город блеска и наживы,
Город над степной песчаной рекой,
Может быть, преступный, может быть, красивый,
Яркий и безличный, шумный и чужой...

И дальше:

Город, где цветы не знают аромата,
Город странных мыслей и дурманных снов,
Где ничто не честно, где ничто не свято,
Где звучит насмешкой звон колоколов...

Однако смело! – всякий раз, когда ей на ум приходили эти строки, удивлялась Мария Павловна. Так и хотелось спросить: а что же ты хочешь, дорогая? Ведь это тебе не родная Москва, не Санкт-Петербург, не Самара, не Нижний... Скажи спасибо, что тебя здесь приютили и не дали умереть с голоду. Так что нечего плевать в колодец, из которого сама же пьешь воду. А Впрочем, если перефразировать классика, душой поэта не понять, аршином общим не измерить...

Ну вот и ее потянуло на рифму. Хотя по идее давно уж пора забыть прозу. Через год ей исполнится пятьдесят, а это уже начало конца. Как все-таки быстро пролетело время. А давно ли они с ее Владимиром Ивановичем?.. Впрочем, что вспоминать! Что было, то прошло. Нет у них уже ни молодости, ни родины, ни денег – ничего. Вот так же незаметно пролетит жизнь и у их детей. Впрочем, к этому надо философски относиться. Главное, не думать, что с тобой будет завтра, а жить сегодняшним днем. Те, кто жили думами о завтрашнем дне, давно уже почил в бозе или сошли с ума. Короче, надо взять свою волю в кулак и смириться с судьбой.

«А дочь пусть лучше споет на празднике, а мы ее послушаем», – подумала Гридасова. Решили, что они всей семьей пойдут отмечать Новый год к молодым монархистам. Владимир Иванович по этому случаю даже речь готовил. Покойного императора будет славить, говорить о потерянном отечестве... А надо ли в такой праздник грусть наводить? И без того тревожно. Можно сказать, земля из-под ног уходит. Глядишь, завтра и здесь большевики объявят свою власть. А не они, так японцы придут. И тоже ничего хорошего. Что там у них на уме?..

Что касается Петра, то они с товарищами уже придумали, с каким номером выступят на праздничном концерте. Об этом не надо было даже рассказывать домашним, потому что с некоторых пор, запершись у себя в комнате, Петруша во весь голос распевал:

Вдоль да по улице грянуло «ура»!
Вышли на прогулку лихие юнкера...
Грянем «ура», лихие юнкера,
За матушку Россию, за батюшку царя!

– Слышишь, мам? Петенька-то наш репетирует, – в очередной раз заслышав пение брата, не без иронии сказала Лиза матери. – Получается, будут одни песни...

Мария Павловна пожала худенькими плечами. Несмотря на свой возраст, она выглядела достаточно молодо, поэтому порой их с Лизой принимали чуть ли не за сестер. Это ей импонировало, и она тщательно следила за собой. Одевалась по последней моде, пользовалась французской косметикой, только никак не решалась остричь свои роскошные длинные волосы, которые завязывала на затылке в узел. Дочь говорила ей, что это не модно, что это прошлый век, а ей все кажется, что женщин украшают именно волосы. А тут это «каре»... Но почему, почему мы должны полстоянно равняться на этих кокоток с Монмартра, если у них там в этой постоянно готовой взорваться Франции давно уже утерян дух светских салонов и стало незнакомо тонкое чувство истиной изящности и красоты?

– А ты, Lise, что бы хотела? – приподняв одну бровь, спрашивает мать.

Отужинав, женщины сели за пьалы в гостиной и стали вышивать вошедшей в моду гладью. Было уютно и тепло. Потрескивали в камине дрова, бросая отблески на старинную резную китайскую мебель красного дерева: комод, столики, тумбочки, кресла. В такие минуты Гридасовы любили всей семьей собраться у камина и о чем-то поговорить или помузицировать. Но в этот раз мужская половина предпочла заняться своими делами. Петр заперся в своей комнате на втором этаже, а Владимир Иванович пошел в соседний с гостиной кабинет сочинять свой новогодний доклад.

– Что бы хотела? – Лиза мечтательно закатила глаза. – Я бы хотела, чтобы больше было стихов! Не знаю, как отнесутся к этому мои товарищи, но я все-таки намерена пригласить на праздник наших харбинских поэтов.

Мать снова приподняла одну бровь.

– И кого, например?

– Кого?... Лариссу Андерсен...

– Ишь ты! – усмехнулась Мария Павловна. – Саму Лариссу...

– Да! А еще... Еще Арсения Несмелова...

– Ну-ну... – не отрывая глаз от шитья, произнесла мать.

– А еще Сергея Алымова, Кирилла Батурина, Бориса Бета, Таисию Баженову...

– Про Ачаира забыла... – ухмыльнулась Мария Павловна.

– Да, конечно, обязательно и Алексея Ачаира! Я уж не говорю о своей дорогой Варваре Иевлевой...

Мать вздохнула.

– Я думаю, у тебя ничего не получится, – проговорила она.

– Это еще почему? – удивилась Лиза.

– А потому, что никто из них не принимает вашу идею...

– Нашу идею, если ты имеешь в виду монархизм! – непривычно жестко произнесла Лиза, чем удивила свою матушку.

«Ишь, какая! – подумала она. – Коготки уже выпускает. А я-то думала, она еще совсем несмышлениш».

– Ну да, конечно, нашу идею... Так вот эти поэты далеки от того, чтобы любить монархию. Они все, как один, либералы и демократы, – заметила Мария Павловна. – Разве не они, подобно термитам, помогали большевикам подтачивать фундамент империи? Потом, правда, опомнились, дескать, что мы натворили?.. И все равно они сделаны из другого теста. Ты можешь привести хоть одну строчку, в которой бы они тепло отзывались о покойном Николае Александровиче?.. Даже на убийство высочайшей семьи не отреагировали, как будто то был рядовой случай в истории... Ну никто, никто ничего доброго не сказал... Даже твоя любимая подруга Иевлева.

Лиза вдруг решительно замотала головой.

– Нет, мама, ты не права! – произнесла она. – Вот послушай:

Мы теперь панихиды правим,
С пышной щедростью ладан жжем,
Рядом с образом лики ставим,
На поминки царя идем...

Она на мгновение умолкла – видно, запомнила следующую строчку.

– Знаешь, мама, я не помню, как там дальше, а вот конец попробую воспроизвести.

И снова декламировала:

...Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни, —
Не за всех ли отраву возлил
Некий яд, отравлявший дни?

И один ли, одно ли имя,
Жертва страшных нетопырей?
Нет, давно мы ночами злыми
Убивали своих царей.

И над всеми легло проклятье,
Всем нам давит тревога грудь:
Замыкаешь ли, дом Ипатьев,
Некий давний кровавый путь?

– Кто это так хорошо сказал? – отложив работу, с чувством спросила Мария Павловна.

– Арсений Несмелов...

– Какая же он умница! Какая умница! Как там у него? «Замыкаешь ли, дом Ипатьев, некий давний кровавый путь?» Замечательно!..

Услышав через открытую дверь своего кабинета, о чем говорят женщины, Владимир Иванович тоже решил высказаться.

– У нас, у русских, мои дорогие, совершенно не развито чувство благодарности, – прошумел он. – Если ты делаешь людям что-то хорошее, никогда не надейся, что они будут тебе благодарны. Это подтверждает история. Впрочем, вы сами видите, что не только царей у нас не чтят... Вот взять хотя бы нас, тех, кто строил эту железную дорогу... Ну, построили мы ее, а что в благодарность? Увольнение! Нет, вы понимаете...

Голос у Владимира Ивановича сорвался на фальцет. Он человек старый и голос у него уже не тот. А раньше, бывало, как рывкнет – паровоз мог перекричать. Его даже побаивались коллеги из Управления по строительству, где он занимался снабженческой деятельностью. Тот

же главный инженер Югович, который отвечал за строительство, всегда все делал с оглядкой на него. И не только потому, что среди близких знакомых Гридасовых были такие известные люди, как министр финансов, а позже председатель Кабинета министров граф Витте и министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский, – чаще из уважения и общепризнанной его полезности в делах. Он был всегда на виду, он по-настоящему радел за судьбу дороги, вникая во все здешние дела и проблемы.

«Что до боязни, то без этого, – говорил Владимир Иванович, – никак нельзя. Когда боятся, тогда есть порядок, и наоборот. Так вот и с Россией получилось. Чуть ослабили вожжи – и понесло Русь в никуда. И кто теперь ее остановит?» Владимиру Ивановичу и таким, как он, уже поздно этим заниматься. Нет, на вид он еще бодр и полон сил, но внутри уже, как он сам говорит о себе, сплошной фарш.

А когда-то ведь был о-го-го! Многие женщины втайне вздыхали по нему. Рослый, широкий в плечах, с густой смоляной порослью на крупном лице, он казался им некой крепостью, за стенами которой можно было надежно укрыться. Он выбрал Машу, эту невысокую худенькую девушку с ангельским взглядом, которая оказалась прекрасной женой. Родила ему детей, вырастила их. Правда, дети все пошли в нее. Этакие хрупкие, нежные, ранимые. Ну, дочь ладно, она девица, а вот сын... Он-то мечтал о богатыре, а тут этакая белая косточка в шляпе. Хотя недавно сын его просто удивил. Владимир Иванович, выпив за обедом водки, неожиданно распетушился и попытался устроить с сыном «цыганскую» борьбу, так тот, чертенок, в один момент уложил его руку. Хотя что ж тут удивительного? Старшему Гридасову скоро уже семьдесят. Он слегка обрюзг, ослабел, да и бывшая его смоляная борода давно превратилась в какое-то бесцветное мочало. Сын же, напротив, растет, мужает, уже вон с девицами под ручку ходит. Владимир Иванович, выйдя однажды на балкон, видел, как тот прогуливался по тротуару с какой-то милой барышней, и та держалась за него так, будто бы боялась, что он сбежит. Правильно, такие парни на дороге не валяются. Да, ростом он не вышел, но породе-то в нем все равно видна. И силенкой его Бог не обделил, и статью, да и мозги вроде на месте. Наполеон тоже не был богатырем, а ведь сумел всю Европу себе подчинить. Его бы нам в цари, может, тогда не случилось бы несчастья. Хотя о чем это он? Наши цари были не хуже. Вот только Николаю Александровичу не повезло. Но в том мы сами виноваты. Правильно сказал этот Несмелов: «И над всеми легло проклятье, всем нам давит тревога грудь...»

Глава четвертая. Благовещенск

1

Добраться из Александровска до Благовещенска оказалось делом хлопотным. Тут всего какая-то сотня верст, однако ее Болохов одолел только к концу дня. На утренний поезд он опоздал, а вечернего ждать не захотел и напросился в попутчики к цыганам, которые, свернув свои шатры возле Транссиба, решили поискать счастья в губернском городе. Те усадили его на телегу, в которой он потом и трясся полдня по разбитой наезженной дороге, пробежавшей среди заваленных снегом луговин, пока возле какой-то станции их не нагнал поезд, куда он и поторопился пересестъ. Но расстался с цыганами он ненадолго. Уже скоро паровик остановился на разъезде перед самым зейским мостом и так стоял несколько часов, дожидаясь, пока их обгонит военный эшелон. Тут-то и появились снова эти цыганские кибитки и телеги, которые, с угрюмой торжественностью прогромыхав мимо состава, устремились в сторону Зеи. Смеркалось. Выйдя на лед, они покатали среди торосов, нащупывая верный путь. Преодолев снежное полотно широкой реки, они тем же стройным цугом медленно вползли на высокий правый берег и были таковы.

А потом, пропустив товарняк, двинулся и пассажирский. Медленно, с грохотом, миновали железнодорожный мост и покатали среди горбатых высоких сопок, поросших монгольским дубняком. Позже снова были покрытые снегом луговины, а там пошли и пригороды, которые в сумерках обнаруживали себя тусклыми огоньками в окнах и белыми дымами, устремленными в зыбкую глубину потухающего неба.

Это был небольшой тихий городок, широко раскинувшийся у устья Зеи. Прямые, словно стрелы, не знающие асфальта и камня улицы с рядами тополей, деревянные тротуары, бревенчатые дома в один и два этажа, среди которых выделялись бывшие купеческие богатые каменные хоромы, к сему несколько широких площадей и рынков – вот и весь провинциальный Благовещенск конца двадцатых. Ничего особенного, если не принимать во внимание местную колоритную архитектуру, этакую смесь старой Руси и Востока, где ажурные резные наличники соседствуют с азиатским кроем окон и крыш, да еще эта близость границы... Выходи на уваленную снегом набережную и смотри с высокого берега на фанзы, густо разбросанные на другом берегу Амура. Не диво ли? Из какого еще города можно увидеть чужую землю?..

Много пережил Благовещенск в годы интервенции и Гражданской войны. Был он в руках и красных, и белых. По его улицам маршировали и китайские, и японские солдаты, устанавливая здесь свои порядки...

Нет, не приходилось Болохову бывать доселе в этих местах. До Хабаровска – да, они в свое время доходили конными рейдами. А тут вон оно, значит, как... По-хорошему, летом минут за двадцать можно было вразмахку переплыть реку и оказаться на чужом берегу. А на лодке и того быстрее. Раньше, говорили, проблем с этим не было. Захотел попасть в Китай и привезти оттуда дешевый товар – садись на весла и плыви себе спокойно на другую сторону. А теперь здесь все строго. И с советской стороны сторожа, и с китайской. Правда, говорят, контрабандисты все-таки принаровились незаметно переходить границу. Их тут спиртоносами называют, потому как они в основном дешевый спирт из Китая тащат. Обыкновенно в огромных стеклянных посудах и бочках, потом продают местным выпивохам, не желающим покупать свою более дорогую водку в магазине, а то и обменивают на добро. Но тут частная торговля с отменой нэпа почилла в бозе, и на складах остался только казенный товар, которым заведовали государственные люди, ну а с ними бывало трудно договориться на счет обмена. Так что тяжело теперь приходилось спиртоносам. Один риск и ничего больше. Коли погранич-

ники не поймают – милиция с товаром загребет. А потом отвечай по полной... Законы-то вон какие строгие пошли. Дошло до того, что расстреливать стали их брата – вроде как за подрыв социалистической экономики.

...Есть тут, видимо, свои «коридоры» на границе и у сотрудников Амурского управления ОГПУ, в противном случае Болохову нужно будет что-то думать... Но первоначально он должен будет войти в доверие к местным художникам. Еще там, на Лубянке, когда они с начальником Иностранного отдела ОГПУ Артузовым готовили операцию, было решено действовать именно через этих людей. У них высокий авторитет в зарубежных богемных кругах, поэтому любая весточка, которую Болохов доставит от них в Харбин, станет для него лучшей рекомендацией. Надо надеяться, что это поможет ему установить доверительные отношения с беглыми художниками, чья судьба давно уже решена в высоких московских кабинетах. А главное, это даст возможность сблизиться с членами харбинского отделения «Русского общевойскового союза», которые слывут людьми крайне недоверчивыми и осмотрительными, о чем свидетельствует созданная ими служба безопасности, в чью задачу входит выявлять и уничтожать всех врагов организации.

О, если бы не эти, черт бы их побрал, беглые художники! Болохову не пришлось бы сейчас решать все эти проблемы, потому как в Маньчжурию он мог бы попасть вполне легальным путем. Во-первых, через Шанхай или Дальний, добравшись туда морем, а можно и по КВЖД через станцию Забайкальскую или приморское Гродеково. Харбин слыл одним из развитых административных центров Китайской Восточной железной дороги с крупной российской, в том числе советской, колонией, и для граждан СССР выезд туда был достаточно свободным, особенно для тех, у кого на родине оставались родные и близкие. Однако всякий, кто прибывал в Харбин легально, вызывал у эмигрантов определенное подозрение. Другое дело, если ты перебежчик. Тут уже к тебе больше доверия. Хотя и тогда находились спецслужбы, которые проверяли всю твою подноготную. Оставалось только надеяться, что никто из харбинцев не признает в нем бывшего сотрудника Госполитохраны. Но, скорее всего, об этом ему беспокоиться не следовало, ведь все свидетели его прошлой жизни были в свое время расстреляны или давно уже сгнили в тюрьме. Что же касается нынешней роли Болохова в революции, то здесь ему беспокоиться нечего: он был настолько засекречен, что даже родная матушка не знала, чем он занимается.

...Выйдя из вагона, Болохов осмотрелся. В сгустившихся сумерках на него подслеповато глядели похожие на бойницы причудливые окна такого же причудливого по форме приземистого здания вокзала с затейливыми башенками наверху. Думал, вот сейчас появятся его коллеги из местного управления ОГПУ и под покровом ночи доставят его к месту ночлега, но не тут-то было. Позже перед ним извинятся, заявив, что они ждали его только на следующий день. Но от этого Болохову легче не стало. Не дождавшись встречающих, он решил самостоятельно добираться до места. Благо, ему известно было название улицы, где находилось управление. Потоптавшись немного на перроне, он отправился на привокзальную площадь. Там Александр сел в первый попавшийся автобус, чем-то смахивавший на большой башмак, и тот повез его по Садовой улице к центру города. На углу Кооперативной он сошел и, сориентировавшись, отправился на Благовещенскую. Оглядевшись и увидев стоящее в центре квартала солидное кирпичное здание с лепниной по фасаду, решил, что это и есть бывший торговый дом купца Кувшинова, где теперь располагалось управление ОГПУ. В дверь он не сунулся – зашел с тыльной стороны здания и постучал в ворота. На стук вышел человек в форме, которого он попросил срочно связаться с начальством и сообщить о прибытии «товарища Назарова» из Москвы. Это был его оперативный псевдоним, который в связи с особой секретностью операции знали в управлении только двое – начальник и его заместитель.

2

– Дел, товарищ Назаров, на нас навалилось – не разгребешь! – угощая в своем кабинете Болохова ужином, жаловался начальник управления Иван Карпович Метелкин, невысокий подвижный человек в хэбэшной форме с двумя «шпалами» в петлицах и орденом Красного Знамени на левой стороне груди. – Сами знаете, беспокойно у нас на границе, оттого и находимся постоянно на полуказарменном положении. Тут и белокитайцы на нас зуб точат – КВЖД-то лакомый кусочек для них! – ну и, конечно, японцы... Мы их лазутчиков ловить не успеваем... Хотя не отыскалась та борзая, которая всех зайцев выловит, – усмехнулся он. – Бывает, приловится собака, устанет – и все, и язык высунет...

– Но вы-то, надеюсь, не приловились тут еще? – спросил Болохов Метелкина.

Тот покачал головой.

– Что вы, товарищ Назаров!.. Я честохвалитца не люблю, но скажу так: люди мы алошные до работы... Не хухлы-мухлы, а мухлы-хухлы. – Он простецки улыбнулся. – Хотя работать все трудней становится. Китайцы ладно, с ними вопросов особых нет, а вот япошки... Эти дошлые. Их на мякине не проведешь. Но мы пока справляемся... У нас и здесь хвостобоев хватает, которые на любого подозрительного донесут, и на той стороне свои люди есть, так что дело вроде идет...

Готовясь к операции, Болохов просмотрел сотни документов, предоставленных ему Иностранным отделом ОГПУ, поэтому был в курсе всего, что происходило на советско-китайской границе. Собственно, невооруженным глазом было видно, что военно-политическая обстановка на дальневосточных рубежах крайне обострилась. По тому, как китайцы начали интенсивно подтягивать свои силы к Харбину, Цицикару и другим городам, находившимся на территориях, прилегающих к КВЖД, стало понятно, что они что-то затевают.

А все началось двумя годами раньше. 28 февраля 1927 года в Нанкине китайцы захватили пароход Совторгфлота «Память Ленина». 6 апреля того же года отряд вооруженных китайцев ворвался на территорию советского полпредства в Пекине и устроил разгром, арестовав при этом пятнадцать советских граждан. В этот же день были совершены подобные провокации в Шанхае и Тяньцзине.

1927 год вообще оказался для СССР крайне тяжелым. 12 мая в Лондоне было совершено нападение на помещение Всероссийского кооперативного акционерного общества «Аркас» и торгпредство, а следом Англия порвала дипломатические отношения с Советским Союзом. 7 июня в Варшаве белогвардейцем был убит полпред Войков.

13 декабря в Кантоне были арестованы сотрудники советского консульства Хассис, Макаров, Уколов, Иванов и Попов. 14 декабря их водили по городу связанными колючей проволокой и затем зверски убили. 15 декабря китайцы совершили налет на советское консульство в Ханькоу...

Не было сомнения, что все эти провокации осуществлялись по прямому указанию ведущих держав, не смилившихся с победой социалистической революции в России, с целью обострить отношения с СССР. Особая ставка при этом делалась на белогвардейскую эмиграцию, вожди которой, по данным советской разведки, играли не последнюю роль в подготовке войны с Советским Союзом. Под их началом были сотни тысяч белогвардейцев, осевших в Маньчжурии и Китае. Шпионско-диверсионные организации, финансируемые ведущими странами Европы, а также Америкой и Японией, вели подрывную работу на территории СССР, готовили антисоветские мятежи. Большая роль в подготовке к войне отводилась Китаю, который стал местом сплетения интересов крупных держав и удобным плацдармом для нападения на советский Дальний Восток.

В ответ на эти действия войска Особой дальневосточной армии РККА были срочно приведены в полную боевую готовность. Более того, заглядывая в будущее, Москва приняла решение о создании на востоке страны мощного военно-экономического потенциала.

Эти контрмеры русских не ушли из поля зрения иностранных разведок, которые тут же активизировали свою работу. Соответственно пришлось напрячься и чекистам. В этих целях органам безопасности Дальнего Востока было крайне необходимо осуществить на территории Маньчжурии многоплановое изучение процессов, происходивших в различных слоях российской эмиграции, и организовать активное выявление подрывных центров. Больше всех им доставляли хлопот японцы, у которых в отличие от тех же китайцев, мечтавших лишь о том, чтобы стать единоличными хозяевами Китайской Восточной железной дороги, были далеко идущие планы. Из источников, полученных советской разведкой, было известно, что их ближайшей целью был захват северной части Китая и установление там марионеточного режима во главе с Пу И, молодым отпрыском некогда могущественной маньчжурской династии Да Цин. Для этого в 1928 году даже был разработан специальный план под кодовым названием «ОЦУ».

Но это будет только начало. Получив доступ к природным богатствам Маньчжурии и используя ее стратегическое положение, Япония в будущем намеревалась напасть на СССР и захватить ее богатые запасами сырья восточные территории. Все это требовалось для того, чтобы создать самый мощный в мире военно-экономический потенциал, который позволил бы подданным микадо расправиться с американцами, мешавшими им установить полный диктат на Тихом океане.

Но для того, чтобы победить врага, нужно знать о нем больше, чем он знает сам о себе. Это хорошо понимали люди из разведывательного отдела Квантунской армии, которые, обосновавшись под крышей японской военной миссии в Харбине, направляли деятельность своих резидентов, окопавшихся в населенных пунктах вдоль всей китайско-советской границы.

По данным советской разведки, в Сахалине, что находился аккурат напротив русского Благовещенска, руководителем японской резидентуры был некий аптекарь Миязаки Масаюки, который лишь недавно появился в этих местах, влившись в небольшую колонию своих земляков. Задачей его было сформировать центр японского шпионажа в советском Приамурье с широкой агентурной сетью. Часть сотрудников Миязаки действовала под вывеской горнодобывающей компании, другие же прибыли на постоянное жительство в этот приграничный городок под видом врачей, фотографов, инженеров, специалистов лесного хозяйства, а кто и просто туристов. Они занимались сбором военных сведений на сопредельной территории, вербовали агентов, даже пытались организовать в Благовещенске подпольную организацию из числа бывших колчаковцев и каппелевцев, осевших в этом городе.

Китайские власти, казалось, смотрели на деятельность японцев сквозь пальцы. Более того, они шли с японцами на контакт, хотя и не афишировали эти связи. Нередко по рекомендации того же резидента японской разведки в Сахалине господина Миязаки они задерживали приглянувшихся тому беглецов из России и бросали в каталажку. В таких случаях разыгрывался целый спектакль. Оказав «содействие» в освобождении очередного бедолаги, японцы взамен требовали, чтобы тот стал их агентом и участвовал в подрывной деятельности против советской стороны.

Однако потихоньку китайцы стали огрызаться, недовольные своим положением марионеток в собственном доме. Настанет день, когда тот же Миязаки Масаюки вместе со своим ближайшим помощником Сайдачиро Кумазава, владельцем гостиницы «Сибирь», испугавшись расправы, сбежит из Сахалина в Благовещенск и спрячется в японском консульстве. Вернутся они назад только в 1932 году, когда Квантунская армия захватит весь север Китая и установит там свой режим. Но куда эти люди еще свободно разгуливали по улицам Сахалина, хитровато посматривая на советскую сторону. Мол, подождите, еще немного – и мы пожалуем к вам в гости... Хотя какие гости? Мы придем к вам как победители. И на этот раз уже надолго.

А вы-то решили, что навсегда избавились от нас. А вот и нет... Как вы там говорите: дудки? Вот-вот, дудки! Тогда, в Гражданскую, победили вы, а сейчас победа будет за нами. Да у вас, в вашем Благовещенске, по нашим сведениям, всего-то на вооружении находится четыре танка и три слабосильных самолета. И вы с этим хотите выиграть войну?..

...Еду им доставил из какой-то привокзальной закуской помощник дежурного по управлению, долговязый служивый с голосом простуженного бегемота. Он не говорил, а над-рывно хрипел, когда рассказывал начальнику, с каким трудом ему удалось отыскать в их городе одну-единственную работающую в этот поздний час общепитовскую точку. Тот посочувство-вал ему, но стоило только служивому неосторожно помянуть добрым словом недавние вре-мена, когда в любой час дня и ночи можно было купить у нэпманов все, что есть не только в России, но и в Греции и даже Париже, начальник шикнул на него и погрозил кулаком. Мол, ладно при мне-то такое говорить, но не при госте же! А тому откуда знать, что этот гость из самой Москвы?.. Думал, агент какой-то ценный, коль сам начальник с ним возится.

Оставив еду на рабочем столе, хриплый ушел, плотно прикрыв за собой массивную дверь. Теперь они остались одни в этом мрачном холодном кабинете, что располагался на втором этаже здания, куда вела широкая устланная ковровой дорожкой лестница. Кабинет аскетиче-ский. Кроме большого письменного стола, старого кресла и нескольких таких же старых сту-льев, ничего больше не было. Хотя нет, были еще тяжелые застиранные шторы на огромном окне и портрет Дзержинского, который оказывался всякий раз над головой хозяина кабинета, когда он садился на свое место. Вот и сейчас, накрыв для гостя стол и откупорив бутылку водки, он уселся под портретом, тогда как Болохов пристроился с другой стороны стола.

За день Болохов так проголодался, что с проворностью бродячего пса уплетал все подряд, запивая незатейливую жратву то водкой, то морковным чаем.

– Значит, дел хватает?.. – опрокинув очередную стопку и закусывая выпитое огурцом бочкового посола, машинально спросил он начальника.

– Хватает, товарищ Назаров... – вздохнул тот. – Оперативная работа – одно, но ведь надо и профилактикой заниматься... А тут еще эта затаившаяся контра жизни не дает. Все эти вредители, саботажники и прочие. Мы-то думали, что избавились от них, а они, знай себе, живут и даже планы враждебные вынашивают... Две тюрьмы у нас здесь и обе переполнены.

– Так на этап их – и в тайгу! – ухватив кус сала и пережевывая его вместе с картофаном, сказал Болохов. – Зачем их в камерах мариновать?

Начальник усмехнулся.

– Лагерь здешние тоже уже все переполнены... Разве что на острова куда... Но на это нужно специальное указание. Нам вот полгода назад дали разнарядку, чтобы, значит, мы аре-стованных на Нижний Амур отправляли... Слыхали, там город строится?.. Говаривают, Ком-сомольском назовут... Так вот мы скоренько набрали по домам этих архаровцев – и всех на баржи... А потом нам: все, перебор! Ну а куда отправлять арестованных? Только в расход...

– В смысле?.. – цепляя на вилку половинку холодной котлеты, поднял глаза на начальника Болохов.

– Ну, в прямом, конечно... Пиф-паф – о-е-ей!.. – криво улыбнулся тот.

– А суд?.. Что, прямо без суда? – удивился Александр.

Тот замахал на него руками.

– Ну что вы, товарищ Назаров! Как можно? Конечно, с судом. Бывало, подержим-подер-жим иную сволочь голышом на морозе этак часиков несколько – он и сознается во всем. Тут же мы собираем Особое совещание. Обычно это я, мой заместитель и городской прокурор. А время нынче дорогое... Сколько их таких мимо нас за день-то пройдет! Так что пять минут – и решение готово. А той же ночью наши ребята вывезут подлеца за город и там того... Чтобы перед смертью помучились гады, я приказал голыми их возить. Пусть знают, как советскую

власть не любить! Бывает, мороз клящий, ветер ледяной, а они стоят в кузове и зубами шелкают... На место привозят синих, словно мертвецов... – осклабившись, произнес он.

Болохов покачал головой.

– Не слишком ли жестоко?

Он давно уже понял, что перед ним обыкновенный малограмотный человек, которого привела в революцию не идея, а что-то иное. Может, та же социальная зависть, этакая месть всем, кто жил лучше его. В Гражданскую, видно, прослыл лихим рубакой, потому ввиду своей беззаветной преданности делу революции и назначен был на эту ответственную должность. Теперь вот рулит, как может. При этом старается вовсю, боясь за свою шкуру. Глядишь, и оценят, а, оценив, самого не тронут. А то ведь – и об этом «товарищ Назаров» был еще в Москве проинформирован – за прошлый год здесь аж три начальника управления сменилось. Прежних-то обвинили в контрреволюционной деятельности и приговорили к расстрелу. Теперь вот этот цепляется за жизнь...

Начальник незадолго перед тем отужинал, поэтому не притронулся к еде. А тут вдруг налил сам себе водки.

– Ну, что ли, выпьем, товарищ?.. – вместо того чтобы ответить Болохову, предложил он. Они выпили. – Нет, знаете... я не считаю это жестоким, – занюхивая водку коркой хлеба, сказал он. – Коль заслужил – получи свое... Вот только людей у меня не хватает, чтобы приводить приговоры в исполнение. Мои ребята крутятся как белки в колесе. Верите? Порой сутками не выходят из управления! Не работа, а мельница какая-то ветряная...

– Или мясорубка... – усмехнулся Болохов, почти целиком проглатывая сваренное вкрутую яйцо.

– Может, и мясорубка, – кивнул головой начальник. – Мы теперь знаете, как поступаем? Берем добровольцев на это дело. За голову платим по тридцать рублей.

– И что, идут? – поинтересовался Болохов, запивая еду чаем.

– А то! – усмехнулся начальник. – Я вам так скажу: отбоя от этих добровольцев нет. Все хотят поправить свое материальное положение. А что? Ухлопал парочку мучельников – и иди, заказывай себе костюм... иль там пальто для своей супружницы. Вот они и стараются! Ну а мы не в накладе – деньги-то, чай, государство на это дело выдает...

При этих словах у Болохова тут же пропал аппетит. Да что ж это с нами происходит? Отчего мы стали такими лиходеями? – спрашивал он себя. – Или мы всегда были такими? Наверное, это так. Только до сих пор для нас существовало некое табу в виде общепринятой морали... Кроме того, действовали государственные законы, а главное, мы помнили эту суровую евангельскую заповедь «Не убий!». Теперь и про заповедь эту забыли, и про мораль, да и законы у нас таковы, что по ним дозволено все, что угодно. Так и живем без царя в голове и без Бога в душе. Хорошо ли?..

Подумав так, он испугался. Что ж это я вдруг?.. Ведь мне не позволено расслабляться. А то, понимаешь, раскис, как институтка после бокала шампанского. Нет, все... будет стонать!

И все же слова, сказанные хозяином этого кабинета, глубоко засели в его душу. Надо же, они тут чуть ли не соцсоревнование устроили, кто больше отстреляет арестованных! Будто то не люди, а зайцы какие... И снова тяжелые мысли лезли ему в голову...

Глава пятая. Художники

1

Рано утром следующего дня Болохов уже сидел в кабинете руководителя контрразведывательного подразделения ОГПУ в Благовещенске Дулидова, невысокого, крепкой кости молодого человека с квадратным волевым подбородком и умными глазами, который вместе со своими людьми должен был обеспечить ему безопасный переход границы. В отличие от своего начальника Василий Анисимович производил впечатление достаточно культурного образованного человека. Об этом говорило все: и его манера держаться, и сдержанность в разговоре, и то, как он достаточно складно излагал свои мысли.

На Дулидове был простенький холщевый пиджачок, из-под которого выглядывал ворот старенькой застиранной косоворотки. В таком виде спокойнее ходить по городу – меньше обращали внимание. Это тем, кто не занимался оперативной работой, нечего скрывать, потому на службу, как правило, они приходили при полном параде, перепоясанные портупеей и с нагайком на боку.

В подробности операции Болохов посвящать Дулидова не стал, попросил только вспомнить давнишний случай, когда некой группе художников удалось провести чекистов и удрать за границу. Василий Анисимович, будучи человеком разумным, не стал спрашивать гостя, для чего это ему нужно, – тут же стал припоминать детали и рассказывать.

О том, что на Амуре проживает целая плеяда замечательных художников, выпускников Петербургской академии художеств, которых ветры революции забросили в этот далекий край, знали, по словам Дулидова, в городе многие. Хотя, мол, удивить этим кого-то было трудно. После Гражданской сюда ринулось много всякого разного люду. В основном это были те, кто не принял революцию и намеревался уйти в Маньчжурию. Ехали отовсюду – из Москвы, из Питера, с Волги, с Урала... Там, на западе России, перейти границу было уже проблематично, потому как она хорошо охранялась, и люди бежали на Дальний Восток, где, по слухам, еще можно было уйти за кордон. Однако пока они добирались, здесь тоже появилась пограничная служба, которая встала на пути беглецов. Так что многим из них пришлось осесть в этих местах в ожидании лучших времен. Кого тут только не было! Вместе с потоком отступавших армейских подразделений белых сюда прибыла масса бывших чиновников со своими семьями, а еще были купцы, промышленники, разночинная интеллигенция, мастеровые, крестьяне, юные кадеты и юнкера, седобородые ученые, представители разных конфессий и просто голытьба. Вместе с ними город наводнили всякие лихие люди, решившие попытать счастья в далеком краю. Это и бандиты, и «медвежатники», и налетчики, и аферисты всех мастей; а еще были домушники, картежные шулеры, карманники и прочие, с приходом которых Благовещенск из тихого городка тут же превратился в некий вертеп, когда людям страшно было даже днем выходить на улицу, а по ночам так и вовсе стреляли.

Это был великий исход из России не только цвета ее нации, но и всех, кого пугала власть большевиков, уже в первые месяцы своего правления показавших, на что они способны. Кровь лилась рекой, смывая своим потоком последние надежды людей.

– Ох, и пришлось нам повозиться с этой публикой! – жаловался Дулидов. – Особенно донимали нас уголовники, с которыми мы не церемонились. Бывало, поймем какого лиховея – тут же к стенке. А зачем разводить антимирию, когда нужно было спасать положение? Ведь вон сколько этих паразитов тогда понаехало! Те в крик: не имеете, мол, права! Давайте по закону. А у нас один закон для таких – революционный. Так от имени революции и пускали в расход... А что, разве не правильно? – смотрел он на Болохова, пытаясь понять, что тот думает

на этот счет. – Ну, а с культурной публикой мы поначалу вели себя совсем по-другому. Дескать, давайте забудем прошлое и вместе станем строить новую Россию. Одни согласились, занялись делом – кто магазин свой открыл, кто в школу пошел работать, а кто даже в армию Красную вступил. Однако не все... Нашлись и такие, что занялись подрывной и шпионской деятельностью в пользу иностранных государств, стали создавать подпольные организации, людей к бунту подбивать... Так что у нас тут и политические убийства были до недавнего времени не редкостью, и крестьяне за ружья брались... Слыхал, товарищ, про Зазейское восстание? Так вот это все несознательные кулаки, подстрекаемые белым подпольем, орудовали... Ну ничего, сил у нас пока хватает, чтобы навести революционный порядок!

Болохов усмехнулся.

– А как же вы тогда этих художников-то проглядели? – спросил он. – Наверное, мало уделяли внимания профилактической работе?

Дулидов вздохнул.

– Да нет, тут совсем другое...

– И что же? – полюбопытствовал гость.

– Знаете, товарищ... – немного замялся Дулов, не зная, как обратиться к приезжему.

– Назаров... – помог ему Александр.

– Так вот, товарищ Назаров, мне кажется, тут дело темное.

– Темное? – переспросил Болохов. – Что вы имеете в виду?

– Я думаю, здесь нет ни нашей вины, ни художников, потому как это все происки японской разведки... А может, и китайской. Впрочем, они все там заодно. Решили сделать шум – вот и не пустили назад людей, – сказал Дулидов.

Болохов покачал головой.

– Ну а зарубежные газеты пишут совсем другое... Будто бы они сами пожелали остаться. До сих пор об этом трубят.

– Да знаю я, – поморщился контрразведчик. – У меня этих газетенок с их интервью пачка уже набралась. Уж так поливают нас помоями, так поливают... И все же, думаю, это не их слова, за них кто-то там говорит. Ну не могли они сказать, что над ними большевики издевались так, как не издевались над людьми в царских застенках... И другое... Им же тут создали все условия, а в газетах пишут, что им не давали заниматься искусством. Да не скажет такое честный человек!

«Не скажет», – мысленно согласился с ним Болохов. И все же факт есть факт... И ладно бы один, а тут сразу пятеро одно и то же поют! Не странно ли? Однако вслух он этого не сказал. Он давно уже никому в этой жизни не доверяет, считая, что люди – существа слабые и потому готовы на любую подлость. Может, и эти беглые художники из той же породы?

– Вы не курите? – неожиданно спросил Александра Дулидов. – Нет? Ну а я закурю... Вы уж извините, не могу долго без табака.

Он отодвинул ящик своего рабочего стола и достал оттуда пачку «Дуката». Крутанув колесико самодельной зажигалки, высек огонь и прикурил.

– Еще с империалистического фронта... – увидев, с каким любопытством Болохов смотрел на его огниво, произнес он. – Сам сделал... Из патрона, – похвалился.

– Да-да, я уже такие видел... – проговорил Александр. – У нас у Дзержинского такая была... Впрочем, в Москве умельцы их на каждом углу продают.

– Ну да, сейчас все на чем-то пытаются заработать... – кивнул головой Дулидов. Он сделал глубокую затяжку, задержал дыхание, после чего стал медленно освобождать легкие от дыма, при этом стараясь, чтобы тот не попадал на гостя. – А вы что, так никогда и не курили? – поинтересовался он.

– Да нет, курил, – признался Болохов. – Правда, это было в студенчестве. Хотелось выглядеть взрослым – вот и дымил. А потом понял, что это страшная зараза, которая приносит один только вред, – и бросил. На горку небольшую и то стал с одышкой забираться.

Дулидов обреченно развел руками.

– А я вот ничего поделать с собой не могу. Кстати, тоже впервые мальчишкой закурил. Я тогда в коммерческом училище учился. Все курили, ну и мне захотелось...

Он снова сделал затяжку.

– Скажите, товарищ Дулидов, а вы случайно не помните фамилии тех беглецов? Ну, которые в Харбин от вас удрали...

Тот лишь на секунду задумался.

– Ну как же не помнить? Конечно, помню, – ответил он. – Пятеро их было... Одна барышня и четверо нашего с вами полу. Барышню звали Кондратьевой Полиной... – Услышав это, Болохов побледнел. Полина!.. Уж кого-кого, а ее-то он помнил. Ведь он даже ухаживать когда-то пытался за ней. Прекрасная была девушка. Чистая, добрая... – А девица-то красивая была, породистая, – будто бы прочитав его мысли, сказал Дулидов. – Знаете, таких на картинах рисуют. Светлая, в общем... – Он сделал очередную затяжку. – Самым старшим среди них был Василий Петров. Ему где-то лет уже под сорок было. Да я могу показать вам их фотографии... Они у нас в архиве хранятся. Их наши оперативники добыли, когда занимались этим делом, – пояснил.

Он хотел встать, чтобы пойти за снимками, но Болохов остановил его.

– Это потом... Вначале я хочу, чтобы вы поподробнее рассказали мне о здешних художниках.

С Васей Петровым он тоже был знаком, поэтому и без всяких фотографий сейчас бы его узнал.

Дулидов развел руками.

– Ну, мне тут особо рассказывать нечего, – честно признался он. – Вам бы лучше в наш краеведческий музей сходить – там они всю подноготную их знают. А у нас ведь только казенные характеристики на них имеются да объяснительные тех, кто посылал их за границу.

Так Болохов и познакомился с Инной Валерьевной Стоцкой, старшим научным сотрудником здешнего областного краеведческого музея, которая была единственным дипломированным искусствоведом в городе.

Это была худенькая бледнолицая дама зрелого возраста, которой, казалось, были чужды новые веяния в моде, отчего она предпочитала одеваться по старинке: светлая кофточка с пышными рукавами плюс длинная прямая юбка. И все, и никаких тебе украшений, если не считать черепашкового гребня в туго закрученных в большой узел волосах. Очков она не носила, хотя в ее этаким консервативно-строгом облике их-то как раз и недоставало.

Отправляясь на встречу с Инной Валерьевной, Болохов придумал для себя легенду, будто бы он командирован одной из столичных газет для того, чтобы собрать материал о бывших воспитанниках Петербургской академии художеств. Утром следующего дня, незаметно выскользнув из ворот управления ОГПУ, где в одном из рабочих кабинетов для него был устроен гостевой номер, он отправился в город в поисках краеведческого музея, который, как ему объяснили, находился на Большой улице – в том месте, где она пересекалась с Американским переулком. Найти это одноэтажное кирпичное здание, где располагался музей, оказалось делом плевым – всего-то раз и пришлось Александру обратиться к прохожему за помощью, это когда он вдруг прозевал нужный ему поворот, пройдя лишний квартал по Зейской.

Стоцкая встретила его настороженно. А когда он представился корреспондентом известной центральной газеты и объяснил ей, с какой целью прибыл в Благовещенск, и вовсе испугалась.

– Но разве вы не знаете?.. – округлив глаза, спросила она Болохова, медленно вставая из-за своего небольшого рабочего столика.

– О чем? – сделав удивленное лицо, спросил он, блуждая глазами вокруг, чтобы найти, куда бы ему пристроиться.

Женщина была в растерянности.

– Ну как же?.. Я думала, вся страна об этом знает... – произнесла она, машинально указывая глазами на стул, который стоял в дальнем углу ее рабочего кабинета, заставленного множеством экспонатов.

– Вы что имеете в виду? – с невозмутимым видом спросил ее Александр, устраниваясь по другую сторону столика, так, чтобы видеть лицо хозяйки кабинета. – Уж не зазейское ли восстание кулаков?

Женщина, казалось, была поражена такой дикой неосведомленностью журналиста.

– Так вы ничего не знаете? – Она тяжело вздохнула.

«Ей, наверное, и в самом деле, тяжело, – подумал Болохов, – если учесть, сколько бедняге пришлось пережить после побега тех пятерых за границу». Ее конечно же вызывали к следователям, ну а кому, как ни Болохову, было известно, что такое допросы с пристрастием? Но что она могла сказать? Только то, что они вместе когда-то прибыли из Питера в этот город? Что она была первой, кто защитил кандидатскую диссертацию, изучив творчество этих людей? Ведь все получилось так внезапно... И об этом Болохову было хорошо известно. Впрочем, быть может, все произошло не так, как написано в следственных протоколах. Не исключено, что это был хорошо спланированный акт. Не случайно местные живописцы даже перессорились, когда речь зашла о том, кто будет представлять их творчество за рубежом. Решили не брать во внимание степень таланта каждого, а кинуть жребий. Так и определились счастливицы.

– Так что же все-таки случилось? – спросил Болохов.

Стоцкой гость с первых минут показался человеком милым и воспитанным. Более того, внушающим доверие. Его никак нельзя было принять за одного из костоломов с Пионерской, которые наводили на людей ужас, поэтому она постепенно успокоилась.

– Да вот случилось... – негромко произнесла она, и было непонятно, то ли это было сказано ею с грустью, то ли в ее словах заключался совсем иной, более радужный смысл.

– Так расскажите!.. – попросил Александр.

Она покачала головой.

– Об этом нельзя говорить...

– Но почему?.. – натурально удивился он. – Я ведь не буду об этом писать. Мне всего-то нужно собрать материал о бывших учениках наших великих художников...

Женщина усмехнулась.

– Не получится, – произнесла она. – Вы же не станете писать о врагах народа?

Болохов вроде как ничего не понял.

– А причем здесь враги народа? – спросил он.

– Да вот при том... Впрочем, вы сейчас сами все поймете...

Женщина как-то пристально посмотрела на Болохова и, не найдя фальши в его глазах, начала говорить.

Однако прежде чем рассказывать о событии пятилетней давности, она решила ввести гостя в атмосферу здешней богемной жизни. Ведь он должен был знать, что за люди окружали беглецов, а главное – что повлияло на их решение остаться за границей.

Пожалуй, одной из самых ярких личностей среди этих «уносимых ветрами революции» творцов, для которых Благовещенск стал последней пристанью в их жизни, был, по словам Инны Валерьевны, Петр Сергеевич Евстафьев. В нем, очень талантливом художнике, было некое оригинальное начало. Он был художником настроения, хороша была его природа, то ее состояние, которое увидели его глаза, ощутило сердце и запечатлела рука. Этот художник был

не чужд своему времени, поэтому и он, как многие его коллеги-современники, не избегал импрессионистского подхода в живописи. В одном из сохранившихся отзывов о работе раннего Евстафьева прямо сказано, что художник работает в стиле «а ля пленэр», то есть в духе импрессионизма, на открытом воздухе, при естественном освещении, мимолетном впечатлении и определенном настроении. Но назвать Петра Сергеевича «чистым» импрессионистом было нельзя, потому как он, кардовец, варился в котле неоклассицизма, хотя и к неоклассицистам его не отнесешь. Он – сам по себе. У него было что-то и от мощи Репина, и от высокой техники Серова (портрет свободный, широкие мазки). Все это – результат творческих поисков и эксперимента, которыми жили художники начала века. Не случайно в ту пору была масса направлений в живописи, и это двигало искусство вперед, к новым вершинам. Когда же над лирами нависла идеологическая тень унитарного государства, искусство, облеченное в тогу соцреализма, остановилось в своем нормальном развитии и превратилось в нечто плоское и бесцветное.

Наверное, этот факт в достаточной мере повлиял на творческую деятельность Евстафьева. Почувяв безвыходность своего положения после того, как ему не удалось покинуть лежавшую в руинах Россию, бывший ученик Ильи Ефимовича Репина и известного русского педагога и художника, продолжателя знаменитой педагогической школы Павла Чистякова – Дмитрия Николаевича Кардовского – решил посвятить себя педагогическому труду.

Инна Валерьевна нарисовала его цельный образ, образ великого труженика, талантливейшего педагога и... аскета. В Благовещенск Евстафьев приехал один – семья заплутала где-то на дорогах послереволюционного хаоса. Образ жизни вел затворнический, рассказывать о себе не любил, как не любил водить и компании – боялся попасть на глаза властям, которых могло бы заинтересовать его прошлое. Ведь все они, люди искусства, были для власть предержащих «чуждым элементом».

В Благовещенске Евстафьев уже редко брал в руки кисть и карандаш – в основном занимался своими учениками. Впрочем, вдохновение теперь редко посещало и других художников, разделивших его судьбу. Того же Георгия Васильевича Белашенко, который, как и Евстафьев, когда-то учился в Петербургской академии художеств только в классе Маковского и намного раньше его.

По словам Инны Валерьевны, этот человек был настолько талантлив, что, не будь в стране социальных потрясений, наверняка смог бы стать выдающимся художником.

– У Георгия Васильевича очень трагическая судьба, – отметила она. – Если большинство картин Евстафьева все-таки уцелели после революции – часть из них, насколько я знаю, находится в Пермской картинной галерее, часть, предположительно, в Рижском музее русского искусства, – то все многочисленные работы Белашенко погибли при пожаре во время Гражданской войны. Больше он сотворить почти ничего не успел, ибо был уже достаточно стар.

– Так он жив? – спросил Александр.

Женщина покачала головой.

– Он умер два года назад... Здесь, в Благовещенске...

Вот как! – чуть было не воскликнул Болохов. Что ж, обычный финал каждого русского гения. Он не был лично знаком с этим человеком, однако помнил и его и его прекрасные работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.